

Большая Энциклопедія.

Подъ редакціей С. Н. Южакова

и редакторовъ отдѣловъ:

Биологическія науки	А. М. Никольскій, проф.
Ветеринарія	И. Н. Потапенко, м-ръ ветер. наукъ.
Военный отдѣлъ	А. С. Лыкошинъ, проф.
Востоковѣдніе	Д. А. Клеменць, этногр. акад.
Географія, геологія и минералогія	С. Н. Никитинъ, м-ръ геологии.
Древне-русская письменность и славяновѣдніе	А. К. Бороздинъ, проф.
Иностранная литература	Е. В. Аничковъ, прив. доц.
Лингвистика	Д. Н. Овсянко-Куликовскій, проф.
Математика и астрономія	Л. Г. Малисъ.
Медицина	Р. А. Брагинская, врачъ.
Музыка	Л. А. Саккетти, проф.
Русская литература XIX в.	А. М. Скабичевскій.
Соціологія	С. Н. Южаковъ.
Физика, химія и техника	В. А. Ковалевскій, доцентъ.
Экономическій отдѣлъ	А. Н. Митинскій, проф.
Юридическій отдѣлъ	В. Г. Яроцкій, проф.
	В. М. Гессенъ, проф.

Около 10,000 иллюстрацій въ текстѣ и приблизительно 1000 отдѣльныхъ приложений: хромо-молитографій, картъ, плановъ и черныхъ картинъ.

Рекомендована Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній въ фундаментальныя бібліотеки кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ.

Проверено
1948 г.

Большая Энциклопедія.

Общая Библиотека для Служащихъ

Тверского Историческаго Товарищества

Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всемъ
отраслямъ знанія.

Шестнадцатый томъ.

Путь — Саль.

Издатели:

Библиографическій Институтъ (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ

и
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“ въ С.-Петербургѣ.

Проверено-1952 г.

С.-Петербургъ

LAH 0.8 UR 18

Univ.-
Bibliothek
Münster
I. W.

Бумага без примесей древесной массы (веленепал).

39 46215-16

Списокъ сотрудниковъ „Большой Энциклопедіи“.

Проф. Д. Н. Абрамовичъ. Э. Д. Аваловъ. Зоол. Акад. Наукъ Н. Н. Аделунгъ. А. Ф. Альтгаузенъ. Прив.-доц. Е. В. Аничковъ. Н. Ф. Анненскій. М. А. Антоновичъ. Ю. М. Антоновскій. М. Н. Бархатинъ. А. В. Башкировъ. Зоол. Акад. Наукъ В. Л. Біанки. А. И. Богдановичъ. Проф. И. А. Бодуэнъ де Куртуа. Проф. И. П. Бородинъ. Проф. А. К. Бородинъ. Врачъ Р. А. Брагинская. М. А. Брагинскій. Г. Г. Брандтъ. А. В. Брауде. А. И. Браудо. Проф. Ф. А. Браунъ. О. Е. Бужанскій. Проф. С. К. Буличъ. Н. П. Быковская. Н. В. Быковъ. И. П. Бьлоковскій. Н. Т. Бьялевъ. А. А. Васильевъ. М. В. Ватсонъ. Н. П. Веймаръ. А. А. Вейнбергъ. Проф. П. И. Вейнбергъ. Проф. П. Н. Вереха. Академикъ А. И. Веселов- скій. Н. И. Вишняковъ. В. В. Водовозовъ. П. Е. Водароничъ. Прив. доц. Э. А. Вольтеръ. Е. А. Ганейзеръ. М. И. Ганфманъ. Д. Д. Гарднеръ. К. Б. Гедройцъ. Проф. В. М. Гессенъ. Ю. М. Гессенъ. Я. Гессенъ. В. А. Гильченко. Хвм. И. Л. Головчинеръ. А. К. Голубевъ. Проф. П. В. Голубовскій. Л. М. Гольдмерштейнъ.	Пр.-доц. М. Ю. Гольд- штейнъ. А. Г. Горифельдъ. Б. М. Городецкий. А. С. Гребницкій. М-ръ исторіи И. М. Гревсъ. Б. Д. Гриваченко. Я. Г. Гуревичъ. Врачъ Е. М. Дементьевъ. Проф. В. Я. Добровлаискій. Проф. М. Н. Дьяконовъ. А. А. Есаудовъ. Пр.-доц. М. И. Жебелевъ. И. П. Житенскій. Л. С. Закъ. А. В. Заремба. А. И. Звонниковъ. Н. Н. Златовратскій. С. А. Зноско-Боровскій. Проф. Ф. Ф. Зьляискій. Проф. А. А. Ивановскій. Г. И. Ивановъ. А. К. Ивашкинъ. Г. А. Ильинскій. Н. А. Ильинскій. К. А. Иностранцевъ. М. И. Юлининъ. В. А. Кавделаки. В. В. Каллашъ. П. Ф. Кантеревъ. Проф. Н. А. Карышевъ. Проф. Н. И. Каръевъ. Е. А. Кивлицкій. Этногр. Акад. Н. Д. А. Кле- менцъ. Д-ръ химіи В. А. Ковалев- скій. Акад. И. П. Кондаковъ. Врачъ Е. Ф. Конева. В. А. Кордъ. Инж. Н. А. Корзухинъ. Акад. С. И. Коржинскій. Почети акад. В. Г. Коро- ленко. Инж. Л. Г. Коршунъ. Проф. П. С. Коссовичъ. Проф. Ю. Кулаковскій. Прив.-доц. А. А. Кулябко. А. А. Куринъ. А. М. Лазаревскій. Горн. инж. А. А. Лебедевъ. В. В. Лесевичъ. М. В. Ливенсонъ.	Г. Ф. Лисцеръ. А. Л. Липовскій. И. М. Лисовскій. Проф. А. С. Лыкошинъ. В. Н. Любименко. Е. А. Лядкій. А. Г. Лядченко. Л. Г. Малисъ. О. Л. Малкинъ. Д. Н. Маминъ. А. Г. Марченко. Проф. А. Н. Миклашевскій. Проф. П. Н. Милоковъ. Проф. А. Н. Митинскій. Проф. Н. И. Митинскій. В. О. Миткевичъ. М. Н. Михайловскій. Н. К. Михайловскій. Инженеръ И. Г. Михайлов- скій (Гаринъ). П. В. Москвитинъ. Проф. Г. Ф. Морозовъ. П. О. Морозовъ. А. А. Мурашкинцевъ. М-ръ исторіи В. А. Мяко- тинъ. М-ръ геол. С. И. Никитинъ. Николай — Онъ. Проф. А. М. Никольскій. В. В. Новодворскій. Н. П. Обнорскій. В. А. Обручевъ. Проф. Д. Н. Овсяннико- Куликовскій. Т. И. Осадчій. В. П. Острогорскій. Доц. А. Остроградскій. Н. Н. Павловъ-Сильван- скій. Н. П. Павловъ-Сильван- скій. Проф. Л. О. Петражицкій. Проф. В. К. Пискорскій. Проф. А. Л. Погодинъ. М. М. Покровскій. Г. И. Потанинъ. М-ръ ветеринарн. И. Н. Потанинко. Инж. М. А. Прессъ. А. А. Пруссакъ. Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Р. Э. Регель. М-ръ правъ В. В. Розен- бергъ.	Проф. М. И. Ростовцевъ. М. К. Ротастъ. А. Д. Рудневъ. А. А. Рымдзенскій. Б. Савинковъ. Проф. Л. А. Саккетта. В. И. Семеновскій. П. П. Семеновта. И. Н. Сиверсъ. Д. П. Сильчевскій. П. К. Сямони. А. М. Скабичевскій. Контр.-адм. С. А. Скры- ганъ. П. А. Соколовскій. И. М. Соколовъ. К. М. Станюковичъ. Н. А. Степановъ. В. Н. Сторожевъ. Н. Н. Съкирскій. Г. И. Тауфальевъ. Прив.-доц. Е. В. Тарле. М. Н. Тимофеева. Прив.-доц. В. В. Томашов- скій. В. А. Траншель. Прив.-доц. В. Тураевъ. Инжен. А. Гл. Успенскій. Н. И. Фальевъ. А. Г. Ферингеръ. Д-ръ фил. М. М. Филиновъ. К. Г. Храповичъ. Н. П. Цитовичъ. В. А. Чарнолуескій. С. Л. Чудновскій. Проф. А. И. Чуровъ. А. К. Шауманъ. Н. Г. Шауманъ. Академикъ А. А. Шахма- товъ. П. А. Шафрановъ. В. Ф. Шаммаревъ. Л. Я. Штернбергъ. С. А. Шумаковъ. П. Е. Щеголевъ. Е. Н. Щенкина. Прив. доц. Ф. И. Щербач- кій. Ф. А. Щербина. Н. С. Юмаковъ. С. Н. Юмаковъ. В. К. Ярмерштедтъ. Проф. В. Г. Яроцкій. А. А. Ячевскій и др.

Списокъ иллюстрацій.

Отдѣльныя приложенія.

	Стр.		Стр.
Пульва (гравюра)	2	Этнографическая карта Европейской Россіи: . . .	458
Формы выветриванія въ пустынях I/II (гравюры)	12	Протяженіе судоходныхъ частей отдѣльныхъ русскихъ рѣкъ (таблица)	486
Пчеловодство (гравюры)	36	Распределеніе губерній по длинѣ судоходныхъ путей (таблица)	487
Пчелы (гравюры)	39	Перечень желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для правильнаго движенія въ Европейской и Азиатской Россіи къ 1-му апр. 1903 г. (таблица)	489
Радиолярія (гравюры)	96	Развитіе русской желѣзнодорожной сѣти (таблица)	490
Исторія развитія (хромолитографія), съ объяснительнымъ листомъ	106	Распределеніе желѣзныхъ дорогъ по губерніямъ и отношеніе длинъ ихъ къ пространству и населенію губерній (таблица)	490
Райскія птицы (хромолитографія)	133	Государственные доходы обыкновенные, табл. I и II (диаграммы)	496
Ракообразныя I/II (гравюры)	136	Государственные расходы обыкновенныя 1881—1899 г.г., табл. III (диаграмма)	496
Этнографическая карта. Распространеніе расъ	183	Соотношеніе доходовъ и расходовъ и свободная наличность, табл. IV (диаграмма)	496
Карта религій и миссіонерскихъ станцій	255	Хронологія русской исторіи (таблица)	514
Аппараты Рентгена I—II (гравюры)	269	Карта Россіи Киевскаго и Владимірскаго періодовъ (IX—XIII вѣка), съ объяснительнымъ листомъ	514
Снимки лучами Рентгена I—II (гравюры)	274	Карта Московскаго государства съ указаніемъ постепеннаго роста Московскаго княжества, съ объяснительнымъ листомъ	517
Римская Имперія въ серединѣ II-го вѣка по Р. X. (карта), съ регистромъ	321	Карта Россіи XVI—XVII-го столѣтій (Московская Русь), съ объяснительнымъ листомъ	518
Римъ (планъ города)	329	Россія Императорскаго періода и Сибирь отъ Петра Великаго до нашего времени (карта), съ объяснительнымъ листомъ	520
Окрестности Рима (карта)	329	Ротовая и носовая полости гортани (гравюры)	546
Императорскія площади древняго Рима и Палатинъ (планъ)	334	Рукокрылыя I/II (гравюры)	580
Домъ Романовыхъ (родословная таблица)	418	Румынія, Болгарія, Сербія и Черногорія (карта)	583
Европейская Россія (карта)	437	Рыбоводство I/II (гравюры)	664
Центральная Россія (карта)	438	Рыбы I—IV (хромолитографія)	672
Сѣверъ Россіи (карта)	438	Яркоокрашенныя рыбы южныхъ морей (хромолитографія)	672
Приуралье (карта)	438	Рыбки I/II (гравюры: снимокъ и пояснительные чертежи)	683
Поволжье (карта)	438	Декоративныя растенія I и II (гравюры)	736
Южная Россія (карта)	438	Лещина I/II (гравюры)	741
Западный край (карта)	438	Садоводство I—III (гравюры)	742
Прибалтійскій край (карта)	438	Саланганы (гравюры)	777
Гипсометрическая карта Европейской Россіи	439		
Геологическая карта Европейской Россіи	442		
Почвенная карта (схематическая) Европейской Россіи	443		
Карта изотермъ Европейской Россіи	444		
Карта осадковъ Европейской Россіи	445		
Карта растительныхъ областей и распространенія различныхъ древесныхъ породъ въ Европейской Россіи	448		
Пространство, численность населенія, его половой составъ, численность городского населенія и число поселеній (таблица)	452		
Картограммы (статистическій обзоръ Европейской Россіи)	454		
Распределеніе населенія Имперіи по главнымъ вѣроисповѣданіямъ (таблица)	457		

Рисунки въ текстѣ.

	Стр.		Стр.
Пульверизаторъ:		Развитія исторія:	
Фиг. 1. Насадка Кертинга	1	Фиг. 1. Стадіи развитія Monoxenia Darwinii	108
Фиг. 2. Пульверизаторъ двуструйный	1	Фиг. 2. Зародыши позвоночныхъ въ трехъ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія	109
Пульзометръ:		Разсѣваніе естественное:	
Фиг. 1. Схема пульзометра	2	Фиг. 1. Разбрасывающій плодъ Esballum Elaterium	126
Фиг. 2 и 3. Пульзометръ Галля	2	Фиг. 2. Зрѣлый, разбрасывающій сѣмена плодъ Oxalis	126
Фиг. 4. Пульзометръ	2		
Пчелы:			
Фиг. 1. Сосательный аппаратъ пчелы	39		
Фиг. 2. Задняя нога рабочей пчелы	39		

Фиг.	Стр.	Фиг.	Стр.
Фиг. 5. Экземпляры <i>Plantago cretica</i> : а) при- крѣпленный къ почвѣ, б) освобо- дившийся	126	Фиг. 3. 6-конечн.	369
" 6. Приспособленіе къ распространію вѣтромъ у клена	126	" 4. 8-конечн.	369
" 7. У <i>Tagetes</i>	126	" 5. 10-конечн.	369
" 8. Цѣпляющійся плодъ <i>Torilis</i> : а) цѣлый плодъ, б) увеличенные шишкы	126	" 6. 12-конечн.	369
" 9. Цѣпляющійся плодъ <i>Videns</i> : а) со- плодіе, б) верхушка плода съ ще- тинками для прицѣпления	126	" 7. Шарикообразный рогъ	369
" 10. Приклеивающійся плодъ <i>Linnaea</i>	126	Развитіе роговъ лося	369
" 11. Плодъ <i>Tribulus</i>	126	Развитіе роговъ лани	370
" 12. Цѣпляющійся плодъ <i>Xanthium spinosum</i>	126	Развитіе роговъ козулы:	
" 13. Приспособленіе для распространію вѣтромъ у <i>Scirpus orientalis</i>	126	Фиг. 1. 8-конечный	370
" 14. То же у <i>Clematis flammula</i>	126	" 2. 6-конечный	370
<i>Pteridophora Alberti</i>	133	" 3. Вильчатый	370
<i>Zoza</i> (личинка краба)	137	" 4. Простой	370
Ручной разбъ	141	Греческій рогъ для пшя	376
Раскосная форма:		Розовѣтныя (<i>Rosaceae</i>):	
Фиг. 1. Простой раскосъ	166	Фиг. 1. Цвѣтокъ <i>Chrysothamnus</i> въ разрѣзѣ	409
" 2. Раскосъ съ ригелемъ	166	" 2. Цвѣтокъ <i>Agrimonia</i>	409
" 3. Полигональная система	166	а въ разрѣзѣ	409
" 4. Сложный раскосъ	166	Голова Ромы	416
" 5. Сводчатый раскосный мостъ	166	Рубанокъ:	
" 6. Раскосный арочный мостъ	166	Фиг. 1 и 2. Деревянный рубанокъ	560
Эмалированное распіе (Стокгольмскій музей)	170	" 3. Американскій рубанокъ	560
Распіе изъ Калькара	170	Схема рудныхъ мѣсторожденій:	
Распіе въ германскомъ музеѣ въ Нюринбергѣ	170	а жили	575
Распіреніе:		б контактная жила	575
Фиг. 1. Аппаратъ для измѣренія линейнаго распіренія твердыхъ тѣлъ	181	с пластовая жила	575
" 2. Дилатометръ	182	д, е пласть, флечь	575
" 3. Водушный термометръ	182	ф вкрашенія	575
Раффлезіевыя (<i>Rafflesiaceae</i>), цвѣтокъ <i>Cytinus</i> :		gg' сдвигъ жили	575
Фиг. 1. Женскій цвѣтокъ	193	hh' сдвигъ пласта	594
Фиг. 2. Мужской цвѣтокъ	193	Руны:	
Редукціонный регуляторъ	222	Фиг. 1. Обще-германскій руническій алфа- виту	597
Регуляторы центробѣжныя:		" 2. Англосаксонскія руны (по надписи ре- туельскаго креста; недостающіе въ послѣдней знаки, заключенные въ (), добавлены изъ алфавита рунической пѣсни)	597
Фиг. 1. Регуляторъ прямого дѣйствія	222	" 3. Поддѣльный скандинавскій руниче- скій алфавитъ	597
" 2. Регуляторъ непрямого дѣйствія	222	" 4. Поддѣльный скандинавскій руниче- скій алфавитъ съ "пунктирован- ными" рунами (по "Codex rani- cus")	597
Эмалированный реликварій въ Нюринбергскомъ Германскомъ музеѣ	256	Цвѣтокъ <i>Ruta</i>	656
Рентгеновскія лучи:		Скелетъ окуна (<i>Perca fluviatilis</i>)	673
Рентгеновская трубка	270	Рычагъ:	
Фиг. 10.	271	Фиг. 1. Рычагъ	686
" 12. Термоэлементъ Гольхера	272	" 2. Рычагъ	686
Реостатъ:		" 3. Рычагъ	686
Фиг. 1 и 2. Реостатъ Вестона	279	Рѣки:	
Фиг. 1. Воктовой видъ	279	Фиг. 1. Аппаратъ Эме	691
" 2. Передній видъ	279	" 2. Вертушка Амслеръ-Лафона	691
" 3. Реостатъ со штепселемъ Сименса	279	" 3. Вертушка Арвидсона	691
Реостатъ	279	Рѣчь:	
Регордъ	285	Фиг. 1. Произношеніе буквы у	696
Регордъ:		" 2. Произношеніе буквы а	696
Фиг. 1. Измѣрительный аппаратъ	285	" 3. Произношеніе буквы и	696
" 2. Измѣрительный аппаратъ Шопнера	285	Рз-Гармакисъ	701
Реза (Кибела или Цибела), аттический рельефъ въ Берлинѣ	293	Саговыя пальмы:	
Планъ города Рима	299	Фиг. 1. Плодолистикъ <i>Cucurbita orientalis</i>	734
Римскіе бокалы	313	" 2. Тычинка	734
Планъ римскаго дома	320	" 3. Групила пыльниковъ сверху	734
Планъ древняго Рима при Августѣ	333	Саксаулъ (<i>Haloxylon Ammodendron</i>):	
Планъ расположенія г. Рио де Жанейро	358	А цѣлое растеніе	761
Развитіе рога благороднаго оленя:		В вѣтвь	761
Фиг. 1. Простой	369	С верхушка вѣтви съ цвѣтами	761
" 2. Вильчатый	369	Д цвѣтокъ	761
		Е рыльце	761

II.

Пуль. Станлей Ланъ, англ. писатель, род. 1854. Изъ болѣе чѣмъ 40 томовъ, написанныхъ этимъ многостороннимъ ученымъ, мы укажемъ: "Studies in a Mosque" (1883, 2 изд., 1893); "The speeches and table talk of the prophet Mohammed" (1882); "The art of the Saracens in Egypt" (1886); "The Moors in Spain" (1887); "History of Turkey" (1888); "The Barbary Corsairs" (1889); "Moghul emperors of Hindostan" (1892); "Cairo; history, monuments and social life" (1892, 2 изд. 1894) и др. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько цѣнныхъ пособій для нумизматиковъ и историческ. изслѣдователей: "Catalogue of the Mohammedan coins in the Bodleian library at Oxford" (1888); "Catalogue of the oriental and Indian Coins in the British Museum" (1875—1890); "Coins and medals" (2 изд. 1892) и др.

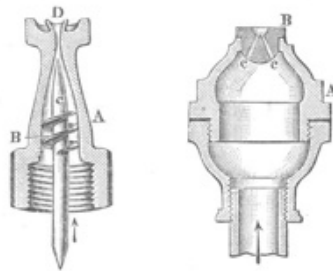
Пульверизаторъ, аппаратъ для раздробленія жидкостей на мелкія капли,

основанный на принципѣ пересѣченія двухъ струй жидкости, выходящей подъ давленіемъ изъ каналовъ сс. Конечно, пульверизировать жидкость можно также, направляя струю ея на какую либо поверхность, пропуская ее черезъ рядъ тонкихъ отверстій, и наконецъ пропуская черезъ нее струю сжатого воздуха.

Пульв. Клодъ Серве Матіасъ, физикъ, род. 1790, ум. 1868 въ Парижѣ, профессоръ физики коллежа Бурбонъ, въ 1831 былъ директоромъ консерваторіи des arts et métiers. Работы П. касаются главнымъ образомъ ученія о теплотѣ, оптикѣ и электричествѣ, а также о громоотводахъ и телеграфныхъ аппаратахъ. П. написалъ: "Les éléments de physique et de météorologie" (Пар., 1856), которая послужила основой учебника физики Мюллера, и "Notions générales de physique et de météorologie" (1860).

Пульзатила, см. сонъ.

Пульверизаторъ, одно изъ остроумнѣйшихъ человѣческихъ изобрѣтеній, впервые демонстрированъ Галлемъ (Нью-Йоркъ) 1871. На фиг. 1 показана схема этого П. Двѣ оригинальной формы камеры а и а' соединяются на верху между собой и съ паропроводной трубой. Въ мѣстѣ соединенія находится шарикъ с, могущій закрывать то ту, то другую камеру. Въ нижней части П. находятся открывающіеся внутрь камеры клапаны d и d' и открывающіеся, въ нагнетательную трубу g клапаны f и f'. Передъ пускомъ въ ходъ П. наполняется водой. Паръ, входя въ него по трубкѣ b, попадаетъ въ правое отдѣленіе и давленіемъ своимъ на поверхность воды заставляетъ ее поступать черезъ f въ трубу g. Свообразная форма камеръ, узкая наверху и уширяющаяся къ низу, придана имъ для возмож-

Фиг. 1. Насадка Кертинга.

Фиг. 2. Пульверизаторъ двухъ-струйный.

иче, приборъ для превращенія жидкости въ пыль; пульверизировать — превращать жидкость въ пыль. На фиг. 1 изображенъ П. Кертинга, дѣйствіе коего основано на центробѣжной силѣ развивающейся въ жид-

города и здание при архиерейском домѣ въ Рязани. Во всѣхъ этихъ зданияхъ сохранился чисто-русскій стиль золотого вѣка. Послѣ золотого вѣка русскаго искусства (XVII в.) наступилъ періодъ упадка. Церкви строятся, придерживаясь башенныхъ деревянныхъ церквей, съ сильною примѣсью западныхъ формъ, но въ изуродованномъ видѣ; появляются даже тонкія колонки съ капителями вродѣ коринтскихъ. Примѣры этихъ переходныхъ церквей: церковь на Филихъ близъ Москвы (построенная бояриномъ Нарышкинымъ) и церковь Воздвиженъ на Воздвиженкѣ въ Москвѣ.

Въ царствованіе Петра Великаго (1689—1725) архитектура въ Россіи вошла на новую дорогу. Иностранцы, вызванные Петромъ, ввели во всеобщее употребленіе стиль возрожденія, котораго лучшія произведенія сосредоточены въ Москвѣ и Спб. Изъ архитекторовъ петровскаго времени выдаются: замѣчательнѣйшій по таланту французскій архитекторъ Леблонъ и русскій архитекторъ Земцовъ, отличавшійся чрезвычайною неутомимостью и разнообразною дѣятельностью. Наибольше замѣчательныя зданія петровскаго времени: домъ князя Меншикова (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ) на Васильевскомъ остр. и обитель Александро-Невской Троицкой лавры (1716), по плану архит. Трезани. Къ этому же времени относятся начала постройки собора св. апостоловъ Петра и Павла въ Петропавл. крѣпости (1713) и Зимняго дворца (1712). Царствованія Анны (1730—40) и Елизаветы (1741—61) отличаются особеннымъ архитектурнымъ оживленіемъ, благодаря работамъ перво-класснаго художника, оберъ-архитектора, графа Растрелли. Изъ построекъ Растрелли въ Спб. особенно замѣчательны: Зимній дворецъ (фасадъ его теперь измѣненъ нѣсколько), достроенный при Екатеринѣ II (1768), домъ Строганова на Мойкѣ (нынѣ Николаевскій институтъ), домъ Воронцова (нынѣ Пажескій корпусъ), Смольный монастырь и Аничковскій дворецъ (1741—43). Въ Спб.: Царскосельскій дворецъ и церковь Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

Изъ архитекторовъ екатерининскаго времени (1762—96) выдѣляются: Кокоринъ, Баженовъ, Казановъ и де-Ламоттъ. Они замѣнили пышный растреллиевскій стиль болѣе строгимъ, спокойнымъ, классическимъ направленіемъ. Баженовъ, чрезвычайно образованный зодчій своего времени, былъ исполнителемъ многихъ проектовъ и работъ въ Спб., его окрестностяхъ и Москвѣ. Между прочимъ, ему принадлежитъ проектъ громаднаго Кремлевскаго дворца, постройка котораго была оставлена въ самомъ началѣ; проекты Михайловскаго (нынѣ Инженернаго) замка и Казанскаго

архитектуры и по справедливости считающійся однимъ изъ лучшихъ зданій Москвы. Казановъ построилъ сенатъ въ Москвѣ, нынѣ зданіе судебныхъ учреждений въ Кремлѣ, съ замѣчательной залой, украшенной барельефами изъ царствованія Екатерины II и съ куполомъ, увѣнчаннымъ императорской короной. По проекту де-Ламотта, построенъ Мраморный дворецъ (оконченъ 1783 г.), а также часть Эрмитажа. Но самымъ выдающимся зодчимъ вѣка Екатерины является директоръ академіи художествъ А. Ф. Кокоринъ (1726—72). Замѣчательнѣйшая его постройка, бесспорно, великолѣпное зданіе академіи художествъ, исполненное въ строго-классическомъ стилѣ. Назовемъ еще изъ архитекторовъ того времени: Соколова, который началъ постройку публичной библиотеки, оконченную въ 1812 г., и итальянца Ринальди, построившаго такъ наз. Головинскій или Екатерининскій дворецъ въ Москвѣ, прекрасное трехэтажное зданіе, украшенное коринтской колоннадой. При императорѣ Павлѣ I построенъ, по проекту Баженова, архитекторами Соколовымъ и Бренни. Инженерный замокъ, прямоугольное сооруженіе съ выступами на нѣкоторыхъ фасадахъ, расположенное вокругъ прекраснаго, архитектурно-обработаннаго восьмиугольнаго двора. Въ царствованіе императора Александра I сооруженъ архитекторомъ Воронихинымъ Казанскій соборъ (освященъ въ 1811 г.), отличающійся чрезвычайно изящнымъ куполомъ и роскошной коринтской колоннадой, расположенной полукругомъ отъ собора. Въ 1817 г. въ Москвѣ выстроенъ по проекту Бетанкура въ строгомъ дорическомъ стилѣ эскерциргаузъ, особенно замѣчательный внутреннимъ покрытіемъ плоскихъ потолковъ, при громадномъ пролетѣ въ 21 саж. Къ этому же времени относится постройка Большаго театра въ Москвѣ, возобновленнаго при императорѣ Николаѣ (архиткт. Кавосомъ). При императорѣ Николаѣ I былъ оконченъ французскимъ архитекторомъ Монферраномъ, начатый еще при Екатеринѣ II Исаакіевскій соборъ, отличающійся какъ богатствомъ матерьяла (бѣлый и сѣрый мраморы, малахитъ, янтарь лазурь и др.) такъ и строгостью своихъ классическихъ деталей (напр. великолѣпные портики изъ 8 коринтскихъ колоннъ). Въ сооруженіи и украшеніи храма участвовали всѣ лучшія русскія силы: Брюлловъ, Вруни, Шебуевъ, Клодтъ и др. Въ 1832 г. построенъ по проекту Росси Александрійскій театръ, а Монферраномъ великолѣпная монолитная, на подобіе Троянской колонны въ Римѣ. Александровская колонна.

Исаакіевскій соборъ былъ послѣднею данью, принесенной русскимъ зодчествомъ академическому классицизму; съ этого

по образцамъ католическихъ храмовъ западной Европы, онъ находилъ несоответствующими ни климатическимъ условіямъ Россіи, ни преданіямъ православія, перешедшаго къ намъ непосредственно изъ Византіи. Пытаясь отрѣшиться отъ вліянія запада, Тонъ воспользовался для своихъ проектовъ формами древнихъ московскихъ пятикупольныхъ соборовъ. Взгляды свои, по возрожденію русскаго зодчества золотого вѣка, онъ осуществилъ въ церкви Екатерины въ Спб., его первымъ произведеніемъ подобнаго рода, а всю силу своего таланта въ колоссальнѣйшемъ твореніи Храма Спасителя въ Москвѣ. Дѣятельность Тона была чрезвычайно разнообразна: проекты и постройки его доставили много прекрасныхъ образцовъ для будущаго времени. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ: проектъ Митрофаніевской церкви въ Воронежѣ, Введенская церковь въ Семеновскомъ полку, церковь Петра и Павла въ Спб., церковь св. Екатерины въ Царскомъ селѣ, планъ гранитной набережной противъ академіи художествъ, Малый театръ въ Москвѣ и, наконецъ, Кремлевскій дворецъ. Со времени историческаго пожара Москвы, не пощадившаго и дворецъ, остатки его, хотя и были частью возобновлены, но помѣщенія оказались тѣсны. По идеѣ императора Николая новый дворецъ долженъ отличаться не только пышностью и красотой, но и связывать своими частями сохранившіеся остатки русской народной святыни. Приступивъ къ работамъ въ 1838 г. Тонъ выполнилъ задачу эту какъ нельзя лучше, воздвигнувъ монументальное зданіе, господствующее надъ всѣмъ городомъ. Направление, данное Тономъ Р а., продолжается по настоящее время, главн. образ., въ церковной архитектурѣ.

Литература. Султановъ, „Памятники зодчества у народовъ древняго и новаго міра“ (Спб., 1890); Шохинъ, „Сборникъ очерковъ и детальнѣйшихъ рисунковъ русскихъ старинныхъ построекъ“ (М., 1872); Viollet le Duc, „L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir“ (Пар., 1877); переводъ его: Султановъ, „Русское искусство“ (М., 1879); Павлиновъ, А., „О церковныхъ сооруженіяхъ“ („Зодчій“, 1886); его же, „Доисторическая пора искусства на почвѣ Россіи“ („Вѣст. изящныхъ искусствъ“, 1897); Сусловъ, „Матерьялы къ исторіи древней новгородско-псковской архитектуры“; Праховъ, „Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства“ (изд. моск. археол. общ., Москва, 1887); Павлиновъ, А., „Древности Ростовскія и Ярославскія“ (1892); его же, „Исторія Р. а.“ (1894); Мазировъ, „Современная архитектура въ Россіи“ (Спб., 1896, иллюстрированное изданіе); Сусловъ, „Памятники церковнаго древне-русскаго зодчества“ (изд. академіи

скій органъ, выходившій въ 1856—60 гг. въ Москвѣ, сначала 4, потомъ съ 1859 г. 6 разъ въ годъ. Журналъ былъ посвященъ теоретической разработкѣ славянофильской доктрины и пытался освѣщать и вопросы дня съ славянофильской точки зрѣнія. Въ 1858—59 гг. какъ приложение выходило „Сельское Благоустройство“, со статьями специально по крестьянскому вопросу. Изд.-ред. А. И. Кошелевъ и М. И. Филипповъ; первое время при дѣятельномъ участіи кн. Черкаскаго, съ 1859 во главѣ журн. сталъ Ив. Аксаковъ. Полный алфавитный указатель статей „Р. Б.“ былъ данъ въ приложеніи къ „Русскому Архиву“ за 1863 г.

2) „Р. Б.“, ежемѣс. литературно-политическое изданіе, являющееся продолженіемъ „Галицко-Русскаго Вѣстника“ и выходившее въ Спб. въ 1895—96. Ред. В. С. Драгомирецкій; ред. Ав. Васильевъ, В. С. Драгомирецкій и Е. А. Евлонимовъ. Влиятѣльнѣйшимъ сотрудникомъ былъ С. Шараповъ. При „Р. Б.“ было одноименное еженедѣльн. приложеніе и кромѣ него „Благоустройство“, ежем. журн. подъ ред. Ф. Четырхана.

„Русская Газета“, 1) еженедѣльная, 1858—59 въ М.; редакторъ С. Поль. 2) продолженіе „Русскаго Листка“ 1875 г., вых. въ М. пять разъ въ нед. 1877—82. Изд.-ред. А. А. Александровскій, съ 1880 издат. И. И. Смирновъ и Н. И. Желтовъ, А. А. Александровскій и Н. И. Пастуховъ въ различныхъ комбинаціяхъ; 1878 „Р. Г.“ приостановилась 30 августа, 1879 появилась всего 2 №№; 1880 всего одинъ №; 3) второе (уменьшенное) изданіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, выходившее 1886—90 при редакторѣ „Вѣдомостей“ В. Г. Авсѣенко.

„Русская Геологическая Библиотека“, библиографическій сборникъ по геологіи, минералогіи и близкимъ наукамъ съ краткими рефератами всѣхъ сочиненій и статей по этимъ предметамъ, издававшійся геолог. комитетомъ по инициативѣ и подъ редак. С. Никитина по 1 тому въ годъ съ 1885 по 1896. За 1897 выпущенъ 1 томъ подъ редакціей особой комиссіи.

Русская женщина, 1) псевдонимъ гр. Е. П. Ростовичиной. 2) псевдонимъ г-жи Н. П. Гротъ.

Русская живопись, см. живопись. „Русская Жизнь“, газета еженедѣльная безъ предварительной цензуры, выходившая въ Спб. 1890—95. Изд.-ред. А. А. Пороховщикова.

Русская имперія, см. Россія. „Русская Историческая Библиотека“, издаваемая археологическою комиссіею, сборникъ историческихъ матерьяловъ, актовъ и памятниковъ главнымъ образомъ XVI—XVIII вв., выход. въ Спб. нерегулярно съ 1872.

Русская исторія, наука, см. исто-

историю, много претерпѣвшая, но и много послужившая родному народу, всему человечеству и дѣлу прогресса, гуманности и просвѣщенія. Русскіе имѣютъ право гордиться родною литературою и не могутъ не любить ее и за ее многострадальную судьбу, и за ее лучезарную славу. Въ составъ этого огромнаго дѣла, соединяемаго подъ именемъ Р. л., входитъ богатая народная поэзія, устная и безличная, и девять вѣковъ письменности (съ XI в. до начала XX в.).

I. Русская народная поэзія, записанная въ XVIII—XX вв., конечно не можетъ быть вполне тою самою народною поэзіею, которая въ IX—XI вв. предшествовала возникновенію писанной литературы. Заключая въ себѣ преданія и этой отдаленной эпохи, открываемыя научнымъ анализомъ, она претерпѣла могущественное вліяніе тягостной исторіи русскаго народа; это вліяніе наслонилось на старинномъ поэтическомъ сказаніи, которое вмѣстѣ съ тѣмъ воспріяло и книжное вліяніе многихъ вѣковъ письменности. Такъ, напр., дѣлая обширную область русской народной поэзіи, именуемая духовными стихами, является дѣлкомъ вся вѣдреніемъ книжной легенды въ устную народную словесность. Въ нѣкоторыхъ лишь духовныхъ стихахъ можно открыть кое-какіе отголоски героическаго эпоса (напр. о Святѣмъ Егоріи) или исторической пѣсни (напр. объ Александрѣ Невскомѣ). Въ большинствѣ же, духовные стихи представляются разработкою сюжетовъ и мотивовъ, ранѣе того появившихся въ письменности и уже отсюда перешедшихъ въ народную массу. „Калики перехожіе“, обыкновенно бывшіе паломники и пилигримы въ Святую Землю, являлись рапсодами, и распространявшими этотъ своеобразный религиозный эпосъ, и его создавшими на основѣ легендъ, заимствованныхъ изъ книги, но обработанныхъ зачастую заново и оригинально. Впоследствии этотъ классъ религиозныхъ рапсодовъ-пилигримовъ постепенно исчезъ и творчество въ этой области народной эпической поэзіи прекратилось, но созданныя рапсоды сохранились въ памяти народной и до сихъ поръ распѣваются во всѣхъ краяхъ Россіи, преимущественно убогими стариками, нѣрѣдко кормящимися отъ этого пѣнія. Это эпическое творчество, завершившееся не позже XVII в. и всецѣло опиравшееся на книжный матерьялъ, показываетъ, какъ велико и значительно было это вліяніе. Оно не могло, стало быть, не отразиться и на другихъ областяхъ народной словесности, хотя конечно здѣсь оно встрѣтило серьезныя препятствія въ поэтической традиціи уже создавшихся и формъ, и сюжетовъ, и способовъ ихъ разработки.

денія уже авторъ „Слова о полку Игоревѣ“; то же названіе сохранилось до нашего времени у былевыхъ рапсодовъ Олонецкой и Архангельской губ.; такъ же названы и героическія пѣсни, записанныя въ XVIII в. Киршей Даниловымъ. „Былины“, созданныя въ X—XII вв., а быть можетъ и ранѣе того, передавались изъ поколѣнія въ поколѣнія народными рапсодами до XVIII в., когда онѣ впервые записаны Киршей Даниловымъ, до XIX в., когда ихъ записали Рыбниковъ и Гильфердингъ, и даже до XX в., когда новыя записи сдѣланы на Бѣломорьѣ Марковымъ и Григорьевымъ. Глубокая древность первоначальной основы былины явствуетъ изъ совокупности ихъ содержанія. Прежде всего, это сказанія кievскаго періода. Киевъ—столица, главные города Черниговъ, Рязань, Ростовъ, Галичъ (даже малый „Кіевецъ“, который, кромѣ былины, знаетъ только начальная лѣтопись)—все столичные города кievской Руси. Имена героев: Олегъ, Владиміръ, Добрыня (историческое лицо), Алеша Поповичъ (историческое лицо Александръ Поповичъ, тоже изъ Ростова Великаго, какъ и былиный герой; палъ въ битвѣ на Калкѣ), Илья Муромецъ (историческое лицо—Илья Муромленецъ, или Илья Муровецъ, мощи въ кievо-печерской лаврѣ) тоже ведутъ въ кievскую Русь X—XII вв. Описание природы тоже изъ южной Руси: среди деревьевъ называется преимущественно дубъ, не встрѣчающійся ни въ Олонецкомъ, ни въ Бѣломорскомъ краѣ; среди животныхъ часто называется туръ, въ тѣ времена водившійся въ южной Россіи, но совершенно неизвѣстный сѣверу; ландшафтъ не лѣсной или болотный, какъ слѣдовало бы въ сѣверныхъ сказаніяхъ (что и находимъ въ сагахъ Скандинавіи и въ сказаніяхъ финновъ), а степной, тоже южно-русскій. Наконецъ, и рѣки называются южно-русскія, Днѣпръ, Донъ, Дунай, или фантастическія, какъ Сафатъ, Почай, Смородинка (Смрадинка, т. е. пахучая) и т. д.; отрокъ Добрыня называется по южнорусски „парубкомъ“. Въ свое время складывались, подобно былинѣ объ Игорѣ и его походѣ на половцевъ, и другія былины о князьяхъ и герояхъ древней Руси, объ Олегѣ (Вольга), Владимірѣ Святѣмъ, Владимірѣ Мономахѣ, Добрынѣ, Александрѣ Поповичѣ, Ильѣ Муромлянинѣ и мн. др. герояхъ, разбросанныхъ хронологически на разстояніи четырехъ вѣковъ (IX—XIII вв.). Тогда каждая былина была индивидуальна и хорошо знала мѣсто и время дѣйствія лица или событія, ею воспѣваемого и прославляемаго. Но прошли вѣка. На югѣ, богатомъ историческими событіями, былина домонгольской эпохи вымерла, заслоненная именно этою богатою историческими событиями жизнью. Не долго выжила она и въ

себѣ и новыя историческія волны, по скольку онѣ достигали далекаго и забытаго края, гдѣ рапсоды все еще пѣли, все еще поютъ героическія пѣсни, сложенные восемью и даже тысячу лѣтъ тому назадъ (Олегъ—тысячу лѣтъ назадъ, Владиміръ Св.—900 лѣтъ, Добрыня—тоже, Алеша и Илья лѣтъ 700 и т. д.). Но хотя и ослабѣвъ сравнительно, историческая волна все же добѣгала и до отдаленной окраины, поражала ее воображеніе, пересоздавала ее быть, власто перестраивала ее жизнь, стирала память о прошломъ. Вся эта медленная работа отражалась на былинѣ, ее пересоздавая, перестраивая, стирая и обновляя. Этотъ процессъ пересозданія и обновленія русскаго героическаго эпоса составилъ предметъ особаго вниманія ученыхъ наслѣдвателей и многое въ немъ раскрыто и розскаано.

Прежде всего, татарское нашествіе потрясающимъ образомъ отразилось и на героическомъ эпосѣ. Всѣ враги святой Руси объединились въ образъ и въ имени татарина. Древніе витязи, не вѣдавшіе татаръ, въ былинахъ отнынѣ ведутъ борьбу именно съ этою грозною бѣдою русскаго народа. И сами они, эти древніе герои, начинаютъ называться „богатырями“, именовѣмъ, заимствованнымъ у татаръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и вооруженіе, и все воинское снаряженіе получаютъ они татарское же. Татарскія легенды проникаютъ въ русскій эпосъ и настолько вѣдряются въ него отдѣльными эпизодами, что является даже предположеніе (В. В. Стасовъ, Г. Н. Потанинъ, отчасти и В. Миллеръ), не заимствованъ ли весь былевой эпосъ у тѣхъ же татаръ, этихъ страшныхъ учителей ратнаго дѣла помонгольской Руси. Черезъ татаръ и другіе восточные мотивы (напр. иранскіе) могли проникать въ Россію и вліять на былевой эпосъ.

Другое важное вліяніе, сказавшееся на постепенной переработкѣ русскаго героическаго эпоса, оказало христіанство. Долго оно касалось лишь верхнихъ слоевъ населенія. „Слово о полку Игоревѣ“ еще не стѣсняется миеологическими образами и вводитъ въ сказаніе языческихъ боговъ, Велеса, Дажьбога, Стрибога, Дива. Если былина XII в. еще переполнена миеологическими представленіями, то тѣмъ болѣе былины X—XI вв., и едва ли много менѣе былины начала XIII в., созданныя до татарскаго разгрома. Народъ былъ полужычникъ и народные рапсоды, слѣдуя „Баяну, соловью стараго времени“ и самому автору „Слова“, широко черпали изъ богатаго источника старой языческой религиозной и героической поэзіи, до насъ не дошедшей. Это-то поэтическое убранство эпическихъ сюжетовъ мало по малу было вытравлено распространеніемъ христіанства. Оборотенъ Олегъ, Добрыня, превращенный въ тура, его колдунья Манюшка,

миеологія, которая когда-то облекала всего его поэтической и фантастической одеждой. Это главное вліяніе христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ и книжной христіанской письменности, но и въ другихъ направленіяхъ сказывается это вліяніе, хотя и не столь существенно перерабатываетъ древнее содержаніе героическаго эпоса. Надо указать на введеніе богатыря Самсона, на былинѣ о сорока каликахъ и пр. Сравнительное изученіе открыло (иногда только думало, что открыло, въ другихъ случаяхъ въ самомъ дѣлѣ открыло) сюжеты въ книжной письменности, настолько же параллельные нѣкоторымъ былиннымъ сюжетамъ, насколько другіе книжные сюжеты параллельны духовнымъ стихамъ. Это сопоставленіе даетъ основаніе думать, что и нѣкоторые былевые мотивы заимствованы изъ книжной литературы XIII—XVI вв.

Собственная исторія сѣверной Руси тоже отражалась на героическомъ эпосѣ. Характерно напр., что въ одной бѣломорской былинѣ о Добрынѣ князь Владиміръ замѣненъ Петромъ Великимъ; въ другой бѣломорской былинѣ рядомъ съ Кіевомъ появляется и Москва, при чемъ въ былинѣ это одинъ городъ. Въ тѣхъ же бѣломорскихъ былинахъ степной ландшафтъ очень пострадалъ. Еще больше, чѣмъ имена и природа, должны были страдать черты быта, которая въ былинахъ стали типичными великорусскими XV—XVI вв. Это дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ (Г. Халаскій) предположить и сѣвернорусское происхожденіе всего этого эпоса, но въ дѣйствительности это обстоятельство только указываетъ, что героическій эпосъ получилъ свою послѣднюю окончателъную форму именно около XV—XVI вв. и въ такой формѣ дошелъ до насъ. Татарское вліяніе и вторженіе восточныхъ мотивовъ; христіанское вліяніе и вторженіе книжныхъ мотивовъ; наконецъ, вторженіе въ построеніе былины чертъ великорусскаго быта и сѣвернорусской природы, таковы главные факторы, работавшіе надъ пересозданіемъ и обновленіемъ русскаго героическаго эпоса X—XIII вв. и отлившіе его въ ту форму, въ которой мы его и знаемъ въ настоящее время. Съ нимъ вмѣстѣ работало время. Оно стерло различіе между Владиміромъ Святѣмъ и Владиміромъ Мономахомъ и совершенно затеряло имена другихъ кievскихъ князей. Владиміръ сталъ единственнымъ княземъ стольно-кievскимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и всѣ богатыри, разсыпанные на протяжении четырехъ вѣковъ, соединены въ одинъ циклъ сподвижниковъ Владиміра. Отдѣльно стоятъ лишь новгородскія былины, да нѣкоторыя изъ былины о „старшихъ богатыряхъ“, особенно о Вольгѣ и Микулѣ.

Къ героическому эпосу тѣсно примыкаетъ историческая пѣсня. Она не идетъ

памяти. Фигура Иоанна Грозного, покорителя татарь и гонителя боярь, заслонила предшествующих московских князей и, подобно эпическому князю Владимиру, прѣсенный царь Иванъ сталъ единственнымъ московскимъ царемъ народной поэзии, но близость сюжета, знакомство съ нимъ и жестокость главнаго героя не дозволили создать вокругъ него такой же цикль, какой былъ созданъ вокругъ Владимира. Смутное время не могло не вызвать эпического творчества и его плоды намъ записалъ въ XVII в. любознательный иностранецъ, но эти пѣсни не пережили и столѣтій. Ихъ нѣтъ уже у Кириши. Фигура Петра снова заслонила предшествующую исторію. Послѣ эпохи Петра недавно записана историческая пѣсня о двѣнадцатомъ годѣ. Вѣроятно, это будетъ однимъ изъ послѣднихъ проявленій эпического народнаго творчества.

Періодъ XIII—XVI вв., когда изъ русскаго героическаго эпоса христіанство вытѣснило древніе мифологическіе мотивы, долженъ было явиться и временемъ вытѣсненія этихъ мотивовъ и изъ другихъ областей народнаго творчества. Больше они сохранились въ сказкѣ, но здѣсь рядомъ съ ними появилась масса мотивовъ, тоже фантастическихъ, но заимствованныхъ отъ другихъ народовъ, частью чрезъ посредство книжной литературы. Чище всего сохранились мифологическіе мотивы въ обрядовой пѣснѣ (свадебной, погребальной, хороводной, купальныхъ, колядакъ и пр.), частью въ загадкахъ, поговоркахъ и пословицахъ. Богатая мотивами народная пѣсня лирическая, наоборотъ, чужда древнимъ мотивамъ и отражаетъ условія народной жизни послѣднихъ вѣковъ.

Подробнѣе о русской народной поэзии см. *Былины, великорусскій фольклоръ, духовные стихи, загадки, поговорки, пословицы, пѣсня, сказки.*

II. Русская письменность отъ ея начала въ XI в. до начала XIX в. не можетъ еще носить имени литературы, если подъ послѣднимъ словомъ понимать запечатлѣнное въ писанныхъ памятникахъ умственное движеніе, самобытно и преемственно развивающееся, представляющее стройное національное цѣлое и выражающее идеалы и весь духовный строй своего народа. Весь этотъ огромный періодъ въ восемь столѣтій только народная поэзія служила выраженіемъ этихъ идеаловъ и этого духовнаго строя народной массы, отъ которой были оторваны верхніе слои, пользовавшіеся письменностью, далеко не охватывавшею національной жизни, далеко не самобытною, далекой отъ правильнаго преемственнаго развитія. Русскую письменность этихъ восьми столѣтій можно распределить между тремя періодами: 1) Киевскій домонгольскій періодъ

XVII в. и являющийся типичнымъ для древняго допетровскаго времени; 3) періодъ реформы, время сперва литературнаго преобладанія Западной Руси и польско-литовскаго вліянія съ половины XVII в. до Ломоносова; затѣмъ до двадцатыхъ годовъ XIX в., до основанія Р. л. Пушкинымъ. Время это является процессомъ усвоенія западно-европейской литературной формы и западноевропейскаго литературнаго содержанія и, вмѣстѣ съ нимъ, классическаго античнаго и средневѣковаго романтическаго.

I. Киевскій домонгольскій періодъ отъ начала письменности до половины XIII в., до времени, когда вымерло поколѣніе, захваченное монголами, но сложившееся до нашествія. На основаніи свидѣтельства арабскихъ географовъ, можно предполагать, что и въ дохристіанскую эпоху восточные славяне, составившіе въ IX в. русскую федерацію подъ киевскою гегемоніей, имѣли свои письмена, но ни эти письмена, ни тѣмъ менѣе памятники, ими написанные, до насъ не дошли (если были). Письмена и письменность русскіе получили, т. обр., вмѣстѣ съ христіанствомъ въ X в. и первыми письменными памятниками оказались книги священнаго писанія на славянскомъ языкѣ и богослужебныя книги на томъ же языкѣ. Это былъ готовый капиталъ, полученный отъ южныхъ славянъ, но на языкѣ, хотя родственномъ и понятномъ, но не родномъ. Это не было началомъ русской письменности. Скоро, однако, духовные наставники начали говорить проповѣди по-русски; изъ нихъ особенно поправившіяся стали распространяться въ спискахъ. Рядомъ съ этимъ появились русскіе святые и описаніе ихъ жизни и подвиговъ стало интересоваться русское общество: начали писать житія. За ними послѣдовало и описаніе выдающихся событій нерелигіозныхъ: появилась лѣтопись. Изъ южно-славянскій литературы заимствовались литературные памятники б. ч. назидательнаго церковнаго содержанія, но частью и свѣтскіе. Появились и свои свѣтскія поэтическія произведенія, какъ о томъ громко свидѣтельствуетъ „Слово о полку Игоревѣ“, которое не могло быть единственнымъ. Слѣды этой свѣтской литературы ученые находятъ во многихъ пересказахъ лѣтописи, въ сохранившихся отрывкахъ... Но сохранилось очень мало. Аенинами тогдашней Россіи былъ Киевъ; главнымъ поприщемъ умственнаго и культурнаго движенія была южная Русь. Но Киевъ былъ уничтоженъ нашествіемъ и долго лежалъ грудой развалинъ, а наиболѣе пострадавшею и разоренною частью русской удѣльно-вѣчевой федераціи были именно южныя земли: киевская, волынская, черниговская, сѣверская. Культурный слой здѣсь былъ истребленъ;

ликая и полоцкая, но что здѣсь не додѣлала татары, довершила церковная унія. Именно на Руси галицкой и полоцкой, а такъ же холмской, минской, частью волынской и даже смоленской, православіе одно время было совершенно подавлено уніей и католичествомъ. Окатоличенные южно-русскіе и западно-русскіе князья и бояре, конечно, не хранили старыхъ книгъ. Не хранили ихъ и монастыри, признавшіе унію, ни униатское бѣлое духовенство, ни новая епископская іерархія. Во весь длинный періодъ XIII—XVII вв. въ южной и западной Руси шло систематическое истребленіе памятниковъ древней домонгольскій литературы. Дѣйствительно, памятниковъ этого періода не сохранилось въ южной и западной Руси, гдѣ они созданы и гдѣ были по преимуществу распространены. Избѣгла разгрома новгородская земля, жившая наиболѣе обособленною жизнью и развивавшая свою культуру, да менѣе южной Руси пострадала ростово-суздальская земля. Здѣсь сохранилась и домонгольская княжеская династія (на западѣ и югѣ Рюриковичей смѣнили Гедиминовичи), и древняя митрополія (перенесенная изъ разореннаго Киева), и многіе не сожженные и не ограбленные монастыри, особенно на сѣверѣ въ Заволжѣ. Поэтому, именно здѣсь и сохранились кое-какіе памятники домонгольскаго періода. Но именно ростово-суздальская земля была самою отсталюю среди древнихъ русскихъ земель и вмѣстѣ съ тѣмъ политически соперничавшею съ киевскою. Искать въ ея предѣлахъ полнаго сохраненія литературы киевскаго періода, это всеравно, что думать найти въ Спаргѣ аенинскую литературу въ сохранности. И культурная отсталость сѣверо-востока XIII в., и его вражда съ Киевомъ не позволяютъ думать, чтобы литература XI—XIII вв. нашла здѣсь значительное распространеніе въ то время, когда и эту землю громилъ татары, и при томъ ея самыя культурныя части. Разгромы повторялись и потомъ. Много унесло и смутное время, и церковное изуверство XVI в., и фанатизмъ раскола. Т. обр., то немногое, что могло проникнуть въ ростовскую землю изъ литературы XI—XIII вв., должно было б. ч. погибнуть. Дошли до насъ лишь фрагменты, по которымъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе о составѣ древней литературы, но ни о ея богатствѣ, ни даже о степени ея развитія, или о ея духѣ, направленіи, идеяхъ. Все это погибло въ татарскомъ разгромѣ, въ уніи, въ умственной отсталости, а затѣмъ и умственнымъ упадкѣ враждебнаго нашимъ древнимъ Аенинамъ сѣверо-востока. Характерно, что единственное сохраненное намъ этимъ сѣверо-востокомъ эпическое свѣтское произведеніе, „Слово о полку Игоревѣ“, вышло изъ древней земли, а изъ южной

родной поэзіи того же сѣвера, правящимъ слоемъ этого сѣвера намъ совершенно не сохраненъ.

На основаніи всѣхъ вышеупомянутыхъ данныхъ можно предположить существованіе въ періодъ домонгольскій богатой эпической свѣтской поэзіи. „Слово о полку Игоревѣ“ служитъ намъ единственнымъ сохранившимся памятникомъ этой поэзіи (если не считать былинъ народнаго эпоса). Отсюда великое значеніе этого памятника. Отсюда и огромная о немъ литература (объ этомъ см. *Слово о полку Игоревѣ*). Помимо своего высокаго поэтическаго достоинства, памятникъ обнаруживаетъ образованность автора и тѣсную связь его новаго культурнаго міросозерцанія съ народнымъ. Здѣсь, какъ въ древней Греціи, художественная литература возникла прямо изъ народнои, на ея почвѣ, изъ ея духа, возвышаемаго и развиваемаго культурою. Возвышенныя мысли и чувства уже исторически мыслящаго человѣка, его горячая любовь къ отечеству, широко понимаемому; его призывъ къ единенію и негодующіе протесты противъ усобицъ и раздоровъ; полная энергія описанія подвиговъ и самоотверженія; трогательныя сцены горя и плача любящей женщины вмѣстѣ съ этимъ столь мало извѣстнымъ въ послѣдствіи возвышеніемъ женщины; историческія справки, которыми постепенно освѣщается изложеніе; прекрасныя картины природы; наконецъ, полная правдивости, почти лѣтописная точность эпическаго повѣствованія, все это дѣлаетъ изъ „Слова“ литературное произведеніе, которому подобное по художественному достоинству и возвышенному благородству содержанія въ Р. л. можно найти не раньше XIX в. Именно эта художественная и умственная высота „Слова“ дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что оно было единичнымъ явленіемъ. Чтобы достигъ этой высоты, нужна эволюція. Дѣйствительно, все склоняется къ мысли, что свѣтская художественная поэзія домонгольскаго періода была богата и обильна. Самъ авторъ „Слова“ говоритъ о знаменитомъ тогда поэтѣ стараго времени, Баянѣ, который сложилъ пѣсни „старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редеду предъ полки Касожскими, красному Романови Святъславичю“... Бой Мстислава съ Редеемъ пересказанъ лѣтописью съ эпическаго сказанія, что видно изъ характера изложенія. Въ другихъ мѣстахъ лѣтописей попадаются такіе же пересказы, особенно въ Ипатьевской лѣтописи, но все это только намеки и указанія. Сами же поэтическія произведенія исчезли и, видимо, нѣтъ надежды на новыя находки. На ихъ родинѣ, на югѣ и западѣ, ихъ вовсе нѣтъ, а на сѣверѣ, кажется, все обисано. Недавно найдены фрагменты пѣсней „Слова“ въ лѣтописи, составленной въ Новгородѣ въ XIV в.

ствія). Между прочимъ тамъ славится Владимиръ Мономахъ: „Отсель до Угорь и до Ляховъ, до Чеховъ, отъ Чеховъ до Ятвяговъ, отъ Ятвяговъ до Литвы, до Нѣмцевъ, отъ Нѣмцевъ до Корелы, отъ Корелы до Устюга, гдѣ были Тоймицы поганые, и за Дышущимъ моремъ, отъ моря до Болгарь, отъ Болгарь до Буртасъ, отъ Буртасъ до Черемисъ, отъ Черемисъ до Мордвы, то все было покороно Богомъ христіанскому народу, языческія страны великому князю Всеволоду, его отцу Юрію (Долгорукому), князю кievскому, дѣду его Владиміру Мономаху, которымъ Половцы носили дѣтей своихъ въ колыбели, а Литва изъ болота въ свѣтъ не выникала, а Угры укрѣпляли каменные города желзными воротами, что бы на нихъ великій Володимиръ тамъ не взѣхалъ. А Нѣмцы радовались, будучи далеко за синимъ моремъ. Буртасы, Черемисы, Вида и Мордва бортничали на князя великаго Володимира, а Мануилъ царегородскій боялся, почему и посылалъ къ нему великіе дары, что бы великій князь Володимиръ не взялъ у него Царегорода“. Это прославленіе Владиміра сдѣлано было авторомъ „Слова“, конечно, не по лѣтописи и свидѣтельству о богатомъ эпосѣ, связанномъ съ именемъ Мономаха.

Кромѣ почти не дошедшей до насъ свѣтской поэзіи, въ свѣтской литературѣ играла крупную роль лѣтопись. „Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій древней южной письменности (пишетъ А. Н. Пыпинъ) была лѣтопись. Мы не знаемъ ея первоначальной формы; до насъ достигъ сборникъ, составленный въ первые годы XII в., въ который, кромѣ древнѣйшей лѣтописи и ея погодныхъ продолженій, вошли дополненія изъ другихъ источниковъ и, между прочимъ, цѣлая отдѣльная сказанія. Какъ самъ сборникъ сдѣланъ былъ впервые въ Кіевѣ, такъ и первоначальная составная часть его принадлежатъ Кіеву: „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, сказаніе о пещерскомъ монастырѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ, и т. д. Мысль о составленіи повѣсти, рассказывающей о томъ, какъ стала русская земля, чрезвычайно замѣчательна для своего времени. Авторъ повѣсти ставилъ задачу національнаго интереса: онъ хочетъ собрать всѣ доступныя ему свѣдѣнія о началѣ народа и княжеской власти. Онъ связываетъ русскій народъ съ цѣлымъ славянскимъ племенемъ, пріурочиваетъ это племя къ библейскому распредѣленію потомства Ноева, какъ часть племени Іафета, дополняетъ библейскія сказанія извѣстіями греческаго хронографа, сообщаетъ свои свѣдѣнія объ европейскомъ варяжскомъ сѣверѣ и о разделеніи славянскаго племени и, наконецъ, преданія о племенахъ самого русскаго славянства, ихъ жилищахъ, нравахъ, инородцахъ-сосѣдяхъ и пр. Въ исторіи князей онъ собираетъ старыя хронологическія за-

менты, какъ договоры князей съ греками, и т. д.; вообще является писателемъ съ обдуманнѣйшимъ планомъ. Весьмъ этимъ характеромъ своего труда первый лѣтописецъ (Несторъ, какъ думали прежде) возбуждалъ, еще со временъ сурового и требовательнаго Шлецера, справедливое удивленіе новыхъ историковъ, случившихъ его съ средневѣковыми современниками“. Въ другомъ мѣстѣ А. Н. Пыпинъ такъ дополняетъ этотъ отзывъ: „Въ первый разъ высокое значеніе Несторовой лѣтописи—или Начальной лѣтописи, какъ ее называютъ съ тѣхъ поръ, какъ возникли сомнѣнія о возможности приписать ее именно Нестору—указано было въ исторической наукѣ знаменитымъ Шлецеромъ... Шлецеръ придумалъ въ восторгъ отъ ея простоты и великой правдивости въ такомъ вѣкѣ, когда бѣдность просвѣщенія дѣлала рѣдкимъ это пониманіе исторической правды; среди баснословія средневѣковыхъ лѣтописцевъ, Несторъ представлялъ замѣчательное исключеніе и его лѣтопись... казалась Шлецеру памятникомъ феноменальнымъ“. Чтобы избѣгнуть „баснословія“, мало правдивости. Надобна критика, надобна образованность, надобна цѣлая литературная эволюція. Византія X—XII вв. стояла въ культурномъ отношеніи выше современнаго ей Запада. Она могла вліять въ этомъ направленіи и на кievскую Русь. Началась лѣтопись не только въ Кіевѣ, но и въ Новгородѣ, а затѣмъ въ Ростовѣ, Галичѣ, на Волыни, въ Псковѣ и т. д. Къ сохранившимся памятникамъ свѣтской литературы того времени принадлежатъ также „Почуеніе дѣтямъ“ Владиміра Мономаха XII в. и „Моленіе Даніила Заточника“ неизвѣстнаго автора начала XIII в. Оба произведенія обнаруживаютъ литературное образованіе и начитанность ихъ авторовъ.

Изъ духовной литературы кievскаго до-монгольскаго періода до насъ дошло также немного, но сравнительно со свѣтскою значительно больше. Здѣсь прежде всего прекрасно составленныя житія св. Антонія, Феодосія, Бориса и Глѣба и цѣлый кievскій „Патерикъ“ съ житіями. На ряду съ этими биографіями русскихъ праведниковъ и подвижниковъ, сохранились пастырскія поученія русскихъ іерарховъ: Луки Жидята Новгородскаго, Иларіона Кievскаго, Кирилла Туровскаго (Туровъ—городъ кievской земли), Серапіона Владимірскаго (уроженца южной Руси, проповѣдывавшаго уже послѣ татарскаго нашествія, но образовавшагося раньше). Всѣ эти проповѣди замѣчательны (кромѣ поученій Луки Жидята) своей изысканно литературной формой, обнаруживающей хорошее литературное и риторическое образованіе, чего мы напрасно искали бы впоследствии вплоть до XVII в., когда возродившаяся кievская школа снова выдвинула и на югѣ и на сѣверѣ проповѣ-

надо еще отмѣтить два „Хожденія“ къ святымъ мѣстамъ христіанскаго Востока: игумна Даніила въ началѣ XII в. (1106—1108) и новгородскаго архіепископа Антонія (въ мирѣ Добрыни), тоже XII в. Первое „Хожденіе“ сохранилось болѣе, чѣмъ въ семидесяти спискахъ, что показываетъ его популярность. Это было прекрасное, весьма точное и правдивое, очень богатое наблюденіями и описаніями, сочиненіе. Вюрцбургскій проф. Зейпль, специализистъ по палестинологіи, очень высоко цѣнитъ произведеніе Даніила и считаетъ его „наилучшее освѣдомленнымъ и самостоятельнымъ исследователемъ Палестины въ ряду ему современныхъ паломниковъ всѣхъ странъ“. Антоній (Добрыня) странствовалъ въ самомъ концѣ XII в. (полагаютъ даже годъ 1200). Сухое и лаконическое изложеніе его ограничивается святынями Царьграда. „На XII-же вѣкѣ“, читаемъ мы А. Н. Пыпина приходится чрезвычайно любопытное свидѣтельство, найденное недавно въ сборникѣ XVI—XVII в. . . . Это лѣтописная запись, никогда раньше не встрѣчавшаяся . . . о томъ, какъ изъ Новгорода отправились въ Святую Землю сорокъ каликъ поклонителю Гробу Господню . . . Лѣтописное извѣстіе говоритъ именно о сорока каликахъ, такъ что число, освященное эническимъ преданіемъ въ быліи о сорока каликахъ со калкою, повидимому, находитъ основу въ историческомъ фактѣ XII в.“, какъ впрочемъ и другія быліи, являющіяся отголоскомъ эническаго творчества до-монгольскаго времени.

Сводя теперь изложенныя данныя объ этомъ времени, мы должны признать, что утратили литературу до-монгольскаго Руси. Сохранившіеся же фрагменты и обломки заставляютъ предполагать здоровое литературное развитіе, общавшее создать національную литературу шесть столѣтіями раньше, чѣмъ потомъ судила исторія. Дикое насилие прервало развитіе. Литература, стоявшая, быть можетъ, даже впереди другихъ ея современныхъ средневѣковыхъ литературъ, впадала надолго въ варварство. столь для нея характеристичное въ теченіе всего слѣдующаго полуторацѣлѣтія (съ половины XIII до половины XVIII в.), и влчила убогое и жалкое существованіе безъ движенія и почти безъ сознанія.

2. Московскій періодъ, объемлетъ конецъ XIII в., затѣмъ XIV—XVI вв. и значительную часть XVII в. Монгольскій ураганъ уничтожилъ древнюю Россію, ея образованность и ея письменность, духовную и свѣтскую; наступило время полного умственного и литературнаго упадка. Южная Русь какъ бы перестала существовать на время. Западная становилась Литвою. Сѣверная трепетала передъ лихимъ татаринѣмъ. Она была рада, если ей удавалось дышать вти-

горькаго времени. Не до эпоса, не до національнаго самосознанія начальной лѣтописи, не до литературы, не до риторики... Надо было все это отложить, все это забыть. Надо было спасаться. Спасеніе стало главною и единственною заботою несчастныхъ выжившихъ поколѣній. Герои не спасли русской земли. Они пали съ честью, но никого за себя не оставили. Трепещущіе князья съ ихъ порѣдѣвшими слабосильными дружинами не защита. Защита только въ Богѣ. Только Онъ можетъ спасти русскую землю, Непреоборимый и Непобѣдимый и для самого злого „царя“ изъ орды. Надо только заслужить заступничество Господне. Покаяніе, смиреніе, благочестіе, молитвы, подвижничество, паломничество, построеніе храмовъ и монастырей, пожертвованія на тѣ же цѣли, поклоненіе святымъ угодицамъ, этимъ предстателямъ предъ престоломъ Всевышняго, — вотъ гдѣ начали искать спасенія трепетные обыватели разоренной Руси. Въ это же ужасное время постигла русскую землю и чума, страшная „черная смерть“, унесшая чуть не половину населенія, новая казнь, ниспосланная Богомъ за грѣхи русскаго народа. Въ это же время угодничествомъ ордынскимъ повелителямъ постепенно возвышалась Москва, новый центръ безъ традиціи, между тѣмъ какъ старыя центры (кромѣ купеческаго Новгорода) лежали въ заустѣннѣ. Валетѣянныя ордынскими ханами, московскіе князья становились и по отношенію къ своимъ подданнымъ деспотическими властелинами, хорошими и переимчивыми учениками властелиновъ ордынскихъ. За то именно эта близость Орды лучше обезпечивала безопасность подъ деспотическою рукою московскихъ князей. Эти то годы татарскаго нашествія, тяжелаго ига, постоянныхъ татарскихъ погромовъ, низкопоклонства въ Орду, вѣчнаго трепета за жизнь и честь, годы тяжелой неволи тяжелой казни за грѣхи и создали тотъ крайній клерикализмъ и неограниченный деспотизмъ, которые наполнили собою и исторію, и литературу московскаго періода. Ересъ стригольниковъ въ мѣнѣ пострадавшихъ Псковѣ и Новгородѣ какъ бы указываетъ на нѣкоторое умственное броженіе, но въ письменности оно не оставило слѣда. Жалкія сухія лѣтописи, многочисленныя житія, цѣлая литература апокрифовъ (пришедшихъ б. ч. отъ южныхъ славянъ), литература паломничества наполняютъ собою мрачное время татарскаго ига и среди всего этого ничего настолько выдающагося, чтобы стоило само по себѣ вниманія. Обыкновенно отмѣчаютъ за это время: „Вопрошанія Кирика“ съ отвѣтами новгородскаго епископа Нифонта, — памятникъ, скорѣе юридическій, чѣмъ литературный; „По-

ховь русской церкви, о суетвѣрияхъ этихъ учителей духовныхъ; „Хождение“ къ цареградскимъ святынямъ новгородскаго монаха Стефана (около 1350); „Хождение“ въ Иерусалимъ архимандрита Агреенія (вѣроятно, изъ Смоленска, около 1370—1380); „Хождение“ Игнатія Смольянина (въ 1389); описаніе странствія дьяка Александра въ Царьградъ (около того же времени); наконецъ, рядъ описаній и сказаній о Куликовской битвѣ и между ними „Задонщина“, неудачная попытка возродить героическую поэму въ стилѣ домонгольскаго княжескаго періода; затѣмъ, лѣтописи и житія. Нѣкоторое оживленіе въ письменности замѣчается только послѣ паденія татарскаго владычества.

Паденіе ига ставило вопросъ о будущихъ путяхъ, подлежащихъ уже независимому русскому государству. Вернувъ вѣшнюю свободу, можно было поставить вопросъ и о возвращеніи свободы внутренней удѣльно-вѣчеваго періода, о возрожденіи основныхъ чертъ гражданскаго строя этого періода, частью сохранившагося въ существовавшихъ еще, хотя и ослабѣвшихъ, удѣлахъ, въ вольностяхъ Новгорода и Пскова, въ первыхъ казачьихъ вольныхъ общинахъ за предѣлами великокняжеской территоріи. Но можно было и отринуть этотъ старый строй съ его усобицами и раздорами, облегчившими пораженіе монголами. Та страшная сила, которая сломила старую свободную и федеративную Русь, и была теперь образцомъ. Только вмѣсто царя нечестиваго и невѣрнаго становился царь благочестивый и православыный. Таковы два теченія, которыя должны были сказаться въ исторіи. Они же не могли не сказаться и въ письменности. Борьба Нила Сорскаго и заволжскихъ старцевъ съ Иосифомъ Санинымъ и Иосифлянами и была проявленіемъ этихъ двухъ историческихъ теченій первого вѣка осоводившейся московской Руси. „Предподобный Ниль, почти ровесникъ Иосифа Волоколамскаго (пишетъ П. Н. Милюковъ), устроилъ въ Заволжѣ свою Сорскую пустынь, изъ которой и вышли его ученики, продолжавшіе его дѣло: Вассіанъ Косой, противникъ Данила (митрополита московскаго) и Артемій, съ которыми пришлось бороться Макарію (митрополиту московскому). Голосъ заволжскихъ старцевъ и ихъ послѣдователей неумолчно раздавался противъ осифлянъ всю первую половину вѣка (XVI), пока оставалась еще какая нибудь надежда преодолѣть господствующее теченіе. Голосъ этотъ смолкъ, или, точнѣе говоря, былъ подавленъ только послѣ окончательнаго торжества національно-религіозной партіи, въ срединѣ XVI в. Воззрѣнія Нила Сорскаго и его послѣдователей были во всемъ противоположны взглядамъ

что „писанія многа, но не вся божественна суть“, „Кое заповѣдь Божія, кое отеческое преданіе, а кое — чловѣческой обычай“. Писаніе по ихъ взгляду надо „испытывать“, относиться къ нему критически и только Евангеліе и Апостолъ слѣдуетъ принимать безусловно. Въ противоположность сляцію церкви и государства, заволжскіе старцы требовали строгаго раздѣленія ихъ и взаимной независимости. Нечего князю совѣтоваться съ иноками, съ „мертвецами“, умершими для міра; но въ свою очередь и церковь не должна подчиняться міру; паствы не должны „страшиться власти“ и обязаны спокойно стоять за правду, „такъ какъ больше есть священство царства“ и свѣтскій государь не судья въ дѣлахъ духовныхъ. Дѣло духовное есть дѣло личной совѣсти каждаго и потому нельзя за религіозныя мнѣнія наказывать свѣтскою властью. Въ противоположность друзьямъ Иосифа, взывавшимъ къ святой инквизиціи и настаивавшимъ на казни еретиковъ, Ниль утверждалъ, что судить правыхъ и виноватыхъ не дѣло церкви; ей подобаеъ дѣйствовать лишь убѣжденіемъ и молитвой. Тѣмъ же духомъ внутренняго христіанства проникнуто и нравственное ученіе заволжскихъ старцевъ. Не церковное благолѣпіе, не драгоценныя ризы и иконы, не стройное церковное пѣніе составляютъ сущность благочестія, а внутреннее устроение души, духовное дѣланіе. Не жить на чужой счетъ должны Христовы подвижники, а питаться трудами рукъ своихъ. Монастыри поэтому не должны обладать имуществами, а монахи должны быть нестяжателями; имущество же, по евангельской заповѣди, слѣдуетъ раздавать нищимъ. Наконецъ, въ новыхъ чудотворцевъ заволжскіе старцы не вѣрили. Для Россіи XVI в. всѣ эти воззрѣнія, даже въ самой умѣренной ихъ формулировкѣ, явились слишкомъ преждевременны. Ни идея критики, ни идея терпимости, ни идея внутренняго духовнаго христіанства не были по плечу тогдашнему русскому обществу; для огромнаго большинства эти идеи просто даже были непонятны. Уже одно это обстоятельство обрекло дѣло „нестяжателей“ на неудачу. А между тѣмъ они еще болѣе ослабили свою позицію тѣмъ, что скомпрометировали себя сношеніями съ явными еретиками-раціоналистами и находились въ тѣсной связи съ политическими противниками власти (заволжскіе старцы поддерживали областныя автономистскія стремленія и не одобряли выросшаго великокняжескаго произвола). Эти связи и рѣшили окончательно ихъ участь. Самъ Ниль Сорскій не дожидаясь развязки борьбы и могъ умереть спокойно. Но Вассіанъ, несмотря на свое знатное происхожденіе изъ рода князей Патрикѣевыхъ, несмотря даже на родственную

отданъ въ руки своихъ завѣдомыхъ враговъ, осифлянъ, въ ихъ монастырь на заточеніе. Наконецъ, Артемій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, осужденъ былъ, какъ еретикъ, скоро послѣ Стоглаваго собора и сосланъ въ Соловки. Впрочемъ, ему удалось бѣжать оттуда въ Литву. Ниль Сорскій оставилъ послѣ себя рядъ посланій по вопросамъ времени и „Преданіе ученикомъ о жительствѣ скитскомъ“, заключающее его наставленія и основныя идеи (списокъ его сочиненій см. *Ниль Сорскій*). Вассіану же и Артемію принадлежатъ цѣлый рядъ полемическихъ сочиненій противъ осифлянъ (ихъ перечисленіе см. *Вассіанъ, Артемій*). Въ это то время борьбы между осифлянами и заволжскими старцами вызванъ былъ для учено-духовной цѣли ученый грекъ, присланный по просьбѣ великаго князя константинопольскаго патріархомъ. Это былъ извѣстный Максимъ Грекъ, учившійся въ Италіи, поклонникъ Савонаролы, дѣйствительно просвѣщенный и даровитый чловѣкъ. Его сочиненія, конечно, не входятъ въ Р. л., но они не остались безъ вліянія на русскую жизнь и письменность. По нѣкоторымъ вопросамъ, Максимъ Грекъ принялъ сторону заволжскихъ старцевъ и былъ за то осужденъ и заточенъ. Еще раньше погибли еретики „жидовствующие“, а затѣмъ еретики раціоналисты, Башкинъ и Θεодосій Косой. Они не оставили сочиненій и поэтому здѣсь только отмѣчаются въ числѣ другихъ умственныхъ теченій, одинаково подавленныхъ осифлянами, сторонниками „религіозно-національной партіи“, какъ ихъ называетъ П. Н. Милюковъ.

„Просвѣтитель“, сочиненіе, написанное Иосифомъ Волоцкимъ (Санинымъ) въ концѣ XV в. и заключающее предисловіе и 16 отдѣльныхъ „словъ“, является главнымъ и основнымъ авторитетомъ этой восторжествовавшей партіи. Оно направлено противъ ереси жидовствующихъ, но включаетъ и многое другое. Здѣсь прежде всего и первѣе всего проводится мысль о единеніи государства и церкви. Государь охраняетъ церковь отъ всякой критики, отъ распространенія лжеученій и ересей. Онъ же созываетъ соборы, утверждаетъ іерарховъ, заботится объ ихъ безопасности и даетъ имъ силу для подавленія всяческаго непослушанія. Съ своей стороны церковь поддерживаетъ власть государя, внушаетъ повинненіе ему, проклинаетъ всякій мятежъ, а молитвами ходатайствуетъ у Всевышняго объ успѣхахъ царскихъ. Этотъ тѣсный союзъ великокняжеской (потомъ, царской) власти, признаваемой божественною и неограниченною, съ церковью составляетъ основу ученія осифлянъ. Къ этому прибавляется: крайняя, совершенно инквизиціонная нетерпимость къ мнѣніямъ; какой-то страхъ передъ всякимъ знаніемъ; требованіе рѣшительнаго безразличія, равно-

выхъ чудотворцевъ. Иосифъ Волоцкій былъ первымъ систематизаторомъ этого клерикальнаго направленія, которое воплотилъ естественно выросло изъ условій русской жизни въ эпоху ига. Продолжателями дѣла Иосифа, самыми знаменитыми осифлянами, были Зиновій Отенскій, авторъ „Истинныя показаніе о новомъ ученіи“, являющейся опроверженіемъ ереси Θεодосія Косого, но особенно митрополиты Данилъ и Макарій, успѣвшие истребить заволжскихъ старцевъ, искоренить еретическія мнѣнія и утвердить идеи новаго цезаропапизма, какъ единственныя, надолго воарившіяся въ русской жизни и русской письменности. Данилу принадлежатъ рядъ „посланій“, а Макарій исполнилъ огромный трудъ, составивъ „Миней“, сборникъ, куда вошла вся духовная письменность того времени, оригинальная и переводная. Макаріемъ же составлена „Степенная книга“, первая попытка, послѣ Начальной Лѣтописи, дать обзоръ русской исторіи. Но насколько „Начальная лѣтопись“ отличается точностью и правдивостью, настолько „Степенная книга“ переполнена баснословіемъ. Къ тѣмъ же вѣкамъ (XV—XVI) относится и составленіе „Домостроя“, въ которомъ идеи осифлянъ распространяются и на частную и семейную жизнь. Большое значеніе имѣетъ такъ же „Стоглавъ“, заключающій въ себѣ постановленія церковнаго собора 1551, гдѣ уже воплотилъ готовъ будущій расколъ старообрядства. „Стоглавъ“ освящаетъ двуперстное крестное знаменіе, сугубую аллилуйю, хожденіе по Солонь, начертаніе слова „Ісусъ“ и т. д., и осуждаетъ державшихся иныхъ обрядовъ. Обрядъ поставленъ на первый планъ. Черезъ сто-шестнадцать лѣтъ, соборъ 1667 осудилъ постановленія „Стоглава“ и проклялъ весь соборъ 1551, вслѣдствіе чего „Стоглавъ“ долго былъ запрещеннымъ памятникомъ и даже напечатанъ впервые въ Лондонѣ. Вся эта литература: „Просвѣтитель“, „Миней“, „Степенная книга“, „Домострой“, „Стоглавъ“ и полемическія писанія осифлянъ, составляютъ одно цѣлое, проникнутое клерикально-деспотическими идеями, устраивающими всю государственную, общественную, церковную и семейную жизнь по одному и тому же идеалу неограниченной власти и неограниченнаго авторитета однихъ, совершеннаго безправія и совершеннаго безмыслія другихъ. Съ другой стороны, эти же литературные памятники изобилуютъ суетвѣриями, отличаются глубокою невѣжествомъ, исполнены фанатической нетерпимости. Какъ бы вѣдомъ всего этого литературнаго развитія является знаменитая переписка между Іоанномъ Грознымъ и княземъ Курбскимъ. Произведенія Курбскаго послѣдній отголосокъ уже оконченной борьбы. Письма царя Іоанна — власт-

ня, которое къ концу XVI в. достигло самыхъ чудовищныхъ размѣровъ и приняло самую уродливую форму. Москва — это третій Римъ. Первый Римъ, измѣнилъ правой вѣрѣ и проклятъ Богомъ. Второй Римъ, гдѣ возсіяла истинная православная вѣра подъ властью греческихъ царей благочестивыхъ, палъ и разоренъ невѣрными. Ему наследуетъ третій Римъ, Москва, съ единственнымъ отнынѣ благочестивымъ царемъ всея Руси и всего христіанскаго міра. Москва — третій Римъ, но четвертаго Рима уже не будетъ и московскіе цари призваны навѣки быть царями всего міра, единственными законными владыками земли, и потому во первыхъ, что они единственные цари православные и благочестивые; и потому, во вторыхъ, что съ паденіемъ Константинополя его роль перешла къ Москвѣ; и потому въ третьихъ, что черезъ Софію Палеологъ они потомки царей константинопольскихъ втораго Рима; и потому наконецъ, что они, происходя черезъ Юрику и его предка Пруса по прямой линіи отъ Цезаря Октавіана Августа, являются потомками и царей перваго Рима. Единственные владыки міра, цари московскіе пользуются полною неограниченною властью. Ихъ воля законъ. Сама казнь отъ нихъ пріемлетъ съ благодарностью и покаяніемъ. Ослушаніе имъ или даже противорѣчіе не только преступленіе, но и грѣхъ, потому что царь всегда и во всемъ творитъ волю Пославшаго его. Церковь Христова тоже подчиняется Помазаннику Божию, но подъ условіемъ его православія. Это правосѣіе она оберегаетъ, преслѣдуя всякое разномысліе, всякое „мнѣніе“, потому что „всѣмъ страстямъ мати мнѣніе“ (т. е. собственная мысль); „мнѣніе есть второе паденіе“. Если наставленія церкви не могутъ подавить „мнѣніе“, объ этомъ заботится благочестивый царь, истребляя всякаго, избличеннаго въ мнѣніи, даже если бы тотъ раскаялся. Церковь обладаетъ такъ же полнотою истины, какъ царь полнотою власти, и критика церкви такъ же преступна и грѣховна, какъ и критика власти. Одна московская Русь сохранила православнаго царя, тогда какъ другія церкви православныя подчинены властителямъ невѣрнымъ, туркамъ, латинянамъ. Поэтому, только русская церковь и обладаетъ всею полнотою истины и не имѣетъ надобности что либо заимствовать отъ другихъ, даже православныхъ народовъ. Тѣмъ менѣе позволительно заимствовать у невѣрныхъ и латинянъ. Одна мысль объ этомъ уже ересь, достойная суроваго подавленія. И это чудовищное самомнѣіе совпадало съ глубокимъ невѣжествомъ и самыми уродливыми суевѣрїями, вполне естественными въ странѣ, гдѣ не было ни одной школы. Мы знаемъ кое-что о шко-

школе. Ея совсѣмъ нѣтъ въ сѣверной Руси во весь длинный періодъ отъ татарскаго погрома до смутнаго времени; огорченія этого времени заставили усомниться въ томъ свѣтовомъ самомнѣіи, которое окрашиваетъ особенно XVI в.

Смутное время, такъ глубоко потрясшее Московское государство, было стихійнымъ взрывомъ народной массы противъ всеобщаго рабства, проникавшаго сверху до низу весь строй государства въ XVI в. Но это народное движеніе или, быть можетъ лучше будетъ сказать, эти народныя движенія, соединяемая подъ именемъ смутнаго времени, не были координированы, не были освѣщены идеаломъ и творческою мыслью. Всѣ идеалы и всякія мысли, которыя начали было шевелиться послѣ низверженія монгольскаго ига, были уже окончательно истреблены; и болѣе крайнія, какъ ереси, и совсѣмъ умѣренные отъ Нила Сорскаго, черезъ Вассіана и Артемїа, до Курбскаго. Народныя движенія смели на время ненавистный клерикально-тиранической режимъ Іоанновъ и іосифлянъ, но поставить на мѣсто испровергнутаго было нечего. Народныя движенія завершаются обновленіемъ строя лишь тогда, когда имъ предшествуетъ плодотворное умственное движеніе, критическое и творческое. Но именно критика и творчество были преступленіемъ и грѣхомъ и безусловно истреблялись московскимъ періодомъ. Или совершенное паденіе государства (захватъ его поляками и шведами какъ бы указывалъ на движеніе въ эту сторону), или реставрація низвергнутаго режима были единственными выходами изъ воцарившейся анархіи и смуты. Московская Русь оказалась еще не настолько обезсиленной предшествующимъ деспотизмомъ Іоанновъ и клерикализмомъ, чтобы допустить полное паденіе. Потерявъ всякіе иные идеалы, она могла сдѣлать только реставрацію, что и произвелъ земскій соборъ 1612—14 гг. Но урокъ смутнаго времени былъ великій урокъ, и непогрѣшимость реставрируемаго режима не представлялась столь несомнѣнной для поколѣній первой половины XVII в., какъ то было для поколѣній второй половины XVI в. Необходимо было вновь утвердить государство и отвоевать ему прежнія границы поглощала вниманіе этихъ первыхъ поколѣній XVII в. и потому и письменность этого времени является сначала тоже реставраціей. Многочисленныя сказанія о смутномъ времени представляютъ литературныя памятники, еще всецѣло, порою страстно, проникнутые идеалами предшествовавшаго вѣка. Это были, однако, послѣдніе дѣты, такъ сказать „бабье лѣто“ отживающаго прошлаго. Критика начинаетъ проникать и въ жизнь, и въ письменность.

строю, русской письменности и образованности. Московскій періодъ оканчивался, хотя его отголоски и завѣты доходятъ даже до новѣйшаго времени. Во время же своего полнаго господства онъ сказался въ литературѣ совершеннымъ отсутствіемъ поэзіи и науки, совершеннымъ подавленіемъ критики и творчества, истребленіемъ всякаго „мнѣнія“.

3. Періодъ литературнаго преобразованія объемлетъ русскую литературную исторію съ половины XVII в. до Пушкина и самъ можетъ быть раздѣленъ на три подперіода: новокіевскій, ломоносовскій и карамзинскій. Всѣ трое соединяются въ одну эпоху общимъ имъ вѣдомъ духомъ, выразившемся въ послѣдовательномъ усвоеніи западной культуры и западнаго литературнаго развитія, которое съ XIII в. до конца XVII в. успѣло такъ далеко уйти впередъ отъ преваннаго и подавленнаго русскаго литературнаго движенія, что для усвоенія этого новаго и богатаго матерьяла потребовалось болѣе полутора столѣтїя. Раздѣляютъ же эти три отдѣла преобразовательнаго періода и методы усвоенія, и еще болѣе того, степень усвоенія формы и содержания западной литературы.

а) Новокіевскій періодъ характеризуется преобладаніемъ южнорусскихъ дѣятелей. Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Теофанъ Прокоповичъ, все выходцы южной Руси, стоятъ во главѣ литературы и умственнаго движенія, не считая тѣхъ, которые, какъ Могила, Барановичъ, Гизель, Голятовскій, оставались въ Кіевѣ, но своими литературными произведеніями входили въ общее движеніе. Это преобладаніе южнорусскихъ дѣятелей объясняется тѣмъ, что литература возрожденіе въ южной и западной Руси началось цѣлымъ столѣтіемъ раньше; были основаны школы, типографїи; появились литературно-образованные люди, создавшие уже въ новомъ духѣ новые литературныя памятники. Артемій, бѣжавшій изъ Соловоковъ въ Литву, и туда же отъѣхавшій князь Курбскій уже застали тамъ русское литературное движеніе, къ которому и примкнули эти послѣдніе представители, хотя слабо, но все-таки еще шевелившейся мысли въ сѣверной Руси. Это движеніе было вызвано опасностями, которыя угрожали православію и со стороны уни, и со стороны реформациі. Православные граждане древнерусскихъ городовъ образовывали религіозныя братства, которыя основывали школы, собирали бібліотеки, заводили типографїи, издавали въ защиту православія книги. Возрождавшаяся церковная православная іерархія соединила и свои силы съ братствами. Немногіе, оставшіеся вѣрными православію вельможи, какъ Острожскій, работали въ томъ же направлении. Вспомогательными средствами

новоу литературною. Это было образованіе духовное, но вмѣстѣ съ тѣмъ литературное. Вмѣстѣ съ многими полемическими сочиненіями стали появляться и богословскія догматическія, и поучительныя, и историческія. Кіевъ снова сталъ умственнымъ центромъ воскресающей южной Руси и снова начавшееся просвѣтительное движеніе перекинулось и на сѣверъ. Здѣсь были заняты реставраціей потрясеннаго смутною режимомъ, а слѣдовательно и церковнаго обряда, который игралъ такую главенствующую роль въ іосифлянскій Россїи. Изъ-за обряда было тогда столько споровъ. Изъ-за него пострадало много видныхъ дѣятелей, и споры были разрѣшены соборомъ 1551 и занесены въ „Стоглавъ“. Это самостоятельное рѣшеніе безъ справокъ съ прошлымъ, ни съ обычаями другихъ православныхъ церквей, совершенно соответствовало духу свѣтлаго и чванливаго самомнѣнія русскихъ людей XVI в. Однако „Стоглавъ“ и составившіе его іосифляне не все разрѣшили. Списки Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, при невѣжествѣ переписчиковъ и при отсутствіи школы, во многомъ не сходились, представляли разнообразныя варианты, а это, при работѣ передъ обрядомъ, очень смущало самихъ увѣровавшихъ въ свою непогрѣшимость духовныхъ руководителей. Надо было сличить съ древними греческими оригиналами и, сообразно ихъ тексту, исправить текстъ славянскій. Исправленія Максима Грека вызвали ропотъ и были прерваны. Однако, разнообразіе и многочисленность вариантовъ не позволяли оставлять дѣло безъ исправленія. И дѣйствительно, исправленіе или, вѣрнѣе, объединеніе текста продолжалось и послѣ Максима Грека, но въ рукахъ невѣжественныхъ людей оно плодило лишь новыя ошибки. Такъ дѣло обстояло, когда разразилась смута. Въ такомъ видѣ его получила и реставрація XVII в., но эта реставрація не была уже такъ самоувѣрена. Она обратилась за помощію и въ кіевскую Русь, и на Востокъ къ патріархамъ. Кіевъ, уже имѣвшій высшее духовное училище, могъ прислать свѣдущихъ людей и такимъ являлся въ особенности Епифаній Славинецкій. Вмѣстѣ съ другими, при поддержкѣ восточныхъ патріарховъ, Славинецкій довелъ до конца исправленіе книгъ, а непреклонная энергія патріарха Николая превела въ жизнь эту чисто обрядовую и ортографическую реформу. Она вызвала отчаянное сопротивленіе послѣдователей іосифлянъ и привела къ расколу. Несмотря на то, что реформа касалась главнымъ образомъ обряда и ортографїи, она имѣла крупное значеніе для всей умственной жизни страны. Ея побѣда была побѣдою критики и сомнѣнія надъ вѣрою въ свое превосходство и свое непогрѣшимость. Вмѣстѣ

ратурный материал, созданный в западной и южной Руси под просвительным влиянием Запада. Это просвительное влияние Запада, таким образом, сказывалось теперь и в северной России, но откуда через Киев.

Упомянутый Славинецкий известен не только, как главный справщик богослужебных книг, но и соименным участником в основании первой школы в Москве. Славинецкий, однако, был в Киеве консерватор, строго державшийся Востока и отстранявшийся от латинской науки. Но в Киев были и прогрессисты, которые находили, что можно сохранять верность православию и не чуждаться латинской науки. Представителем этого латинского направления был Симеон Полоцкий, тоже ученый киевской академии. Как учитель детей царя Алексея Михайловича, а потом как бывший учитель самого царя Феодора, Симеон пользовался большим авторитетом и был в безопасности от нападков московских фанатиков и иосифлянского предания. Он много содействовал основанию второй школы в Москве (с латинским языком и латинской наукой); продолжил дорогу театру; выдвинулся борьбой с расколом, против которого составил сочинение „Жезлы правления“, долго считавшееся образцовым. Но в истории Р. л. особое значение имеет Симеон Полоцкий, как первый, возобновивший опыты свѣтской поэзии или, вѣрнѣе, первый, перенесший эти опыты съ юга на сѣверъ. Его стихотворные опыты не отличаются ни талантомъ, ни идеями, но они нравились и возбуждали вниманіе, вызывая подражаніе. По формѣ, это было романское силлабическое стихосложеніе, усвоенное польскимъ языкомъ, а отсюда заимствованное и южнорусскимъ. Оно было мало пригодно для русскаго языка, но и оно придавало болѣе мѣткости выраженію и болѣе изящества рѣчи. Составленные Симеономъ руководства Закона Божія и священной истории были тоже заслугою въ странѣ, гдѣ вовсе не было учебниковъ. Наконецъ, Симеонъ Полоцкій возобновилъ проповѣдь, почти исчезнувшую въ сѣверной Россіи.

Движеніе русской письменности, возобновленное многостороннею дѣятельностью Симеона Полоцкаго, продолжалось уже безостановочно. Гизель въ Киевѣ составилъ и издалъ свой „Синописисъ“ или обзоръ русской истории, который до Карамзина былъ господствующею книгою по этой части. Ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, превзошелъ своего учителя въ стихахъ, но погибъ, запутанный въ безпорядки временъ стрѣльчихихъ движеній. Св. Димитрій Ростовскій, основавшій въ Ростовѣ школу, потомъ послужившую образцомъ для семинарій, написалъ „Четыи Минеи“, сборникъ житій, и донынѣ

опытъ всемірной истории (не конченъ); и много проповѣдей. Къ этому же времени второй половины XVII в. относится книга Котошихина о современной ему Россіи, ея государственномъ устройствѣ, бытѣ, военномъ дѣлѣ и т. д. Замятательная книга эта была написана въ Швецію, а въ Россіи стала известна только въ XIX в. и не могла поэтому принять участія въ русскомъ литературномъ движеніи. Она любопытна, однако, не только для историка, но и для истории литературы, свидѣтельствуя, что духъ критики былъ уже сильно распространенъ во второй половинѣ XVII в. Сто лѣтъ раньше книга Котошихина была немислама. Къ тому же времени, накануне Петра, относятся сочиненія Юрія Крижанича, выходяща изъ юго-славянскихъ земель, впервые поднимавшія вопросъ о славянской взаимности и вмѣстѣ съ тѣмъ критиковавшія московскіе порядки. Оставленіе „третьяго Рима“ надвигалось съ силою исторической необходимости. Оно и совершенно Петромъ. Его нельзя было не совершить послѣ того, какъ въ сознаніи лучшихъ людей русскаго государства „третій Римъ“ оказался не только невѣждою и тираномъ, но и совершеннымъ банкротомъ, духовнымъ и матерьяльнымъ. Государству нужна была сила, а для этого техника и наука. Обществу нужно было просвѣщеніе, а для этого свѣтская школа и свѣтская литература. Ни для науки, ни для свѣтской литературы, ни для техники не было приготовлено мѣста въ „третьемъ Римѣ“. И его оставили. Основали новую столицу и начали новый императорскій періодъ русской истории. Новый литературный періодъ начался, однако, нѣсколько позже, потому что нѣкоторое время все еще Киевъ и его ученики являлись руководителями умственного движенія, все еще сохраняющаго преимущественно духовно-литературное содержаніе. „Камень вѣры“ Стефана Яворскаго, его же и Теофана Прокоповича проповѣди, „Духовный регламентъ“ Теофана болѣе принадлежатъ истории церкви, нежели литературной истории, тѣмъ болѣе ихъ полемика на богословскія темы. Для насъ важно отмѣтить, что оба они были проводниками западнаго вліянія. Теофанъ еще написалъ два учебника: „Риторику“ и „Шитику“; первая не была напечатана.

Писателями, принадлежащими отчасти этому же новокіевскому періоду, отчасти слѣдующему ломоносовскому, надо назвать: Посошкова съ его книгою „О скудости и богатствѣ“ и Татищева съ его историческими трудами и „Завѣщаніемъ сыну“. Воспитанники этого періода, они испытываютъ, однако, западное вліяніе не только черезъ Киевъ, но и непосредственно черезъ С.-Петербургъ, гдѣ основаніе при Екатериинѣ I академіи наукъ и привлеченіе въ нее ученыхъ силъ Запада поставило русскіе

товленіемъ и служилъ новокіевскій періодъ, сдѣлавшій возможнымъ это прямое общеніе, немислимое въ эпоху полнаго процвѣтанія „третьяго Рима“. И въ другомъ отношеніи новокіевскій періодъ былъ подготовительнымъ для слѣдующаго литературнаго движенія. Онъ снова дифференцировалъ свѣтскую письменность отъ духовной. Свѣтская литература существовала въ киевскій домонгольскій періодъ. Она исчезла въ московскій періодъ, а то немногое свѣтское, безъ чего было нельзя обойтись, составлялось обыкновенно духовными лицами въ клерикальномъ духѣ. Новокіевскій періодъ возродилъ свѣтскую письменность. Съ одной стороны, и духовные писатели обращаются къ составленію произведеній свѣтскаго характера; Гизель, Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ, Теофанъ Прокоповичъ... Съ другой стороны, появляются уже совершенно свѣтскіе писатели: Котошихинъ, Крижаничъ, Посошковъ, Татищевъ. Эта вновь созданная свѣтская письменность и получила продолженіе и развитіе въ слѣдующемъ періодѣ. Она совершенно отдѣляется отъ духовной, которая еще довольно долго сохраняетъ духъ и направленіе, данные киевскою школою. Свѣтская же письменность развивается подъ прямымъ вліяніемъ западноевропейской культуры, постепенно усваиваемой и Россіей.

6) Ломоносовскій періодъ, отъ основанія Спб. академіи наукъ (въ 1726) до появленія въ печати „Писемъ путешественника“ Карамзина (въ 1791—92 гг.), представляетъ эпоху непосредственнаго и постепеннаго усвоенія современнаго западно-европейскаго литературнаго матерьяла (формы и содержанія). Первое прямое столкновеніе съ западной литературою русскіе люди испытали при столь многочисленныхъ во время Петра поѣздкахъ и пребываніи за границей. Цѣль заключалась въ приобрѣтеніи техническихъ знаній, но для техники необходима и теоретическая наука, которая ведетъ и къ философіи, и къ другимъ формамъ проявленія мысли. Многие возвращались уже литературно образованными людьми и основательно знакомыми съ иностранными языками. Они привозили съ собою книги. Основаніе академіи наукъ систематизировало это проникновеніе въ русское общество западно-европейской науки и литературы. Переводы, уже многочисленные при Петрѣ и еще умножившіеся, благодаря академіи, расширяли кругъ воздѣйствія иностранной науки и литературы. Скоро возникли и собственные опыты въ подражаніе иностраннымъ. Частью для этого пользовались уже готовою, киевлянами выработанною, формою силлабическаго стихотворства, какъ Антиохъ Кантемиръ, частью же, какъ Тредьяковскій, уже сознали не-

ствамъ русской рѣчи. Тредьяковскій далъ и образцы новой формы въ видѣ оды, пѣсней, эпиграммъ и дѣльных поэмъ. По существу, это были очень неудачные опыты, совершенно лишённые поэзии, но и они нравились современникамъ, доказывая возможность литературы и на русскомъ языкѣ и прокладывая путь дальнѣйшему развитію. Тредьяковскій только указалъ форму, но овладѣть ею не сумѣлъ. Это сдѣлалъ Ломоносовъ, разъ навсегда утвердивъ и тоническій размѣръ, и лирическую, и эпическую, и дидактическую поэзію, и вообще русскую литературу, какъ необходимый составной элементъ русской образованности. Поэзіи немного и у Ломоносова, но красивый звучный стихъ, умное содержаніе, проблески чувства сдѣлали изъ поэзіи Ломоносова надолго образецъ, властвовавшій въ русской письменности до конца XVIII в. Ломоносовъ былъ также преобразователемъ русской прозы. Исключая домонгольскій періодъ, когда свѣтская литература пользовалась разговорными нарѣчіями, древняя русская письменность старалась употреблять не живую народную рѣчь, а какой то конгломератъ этой рѣчи и церковно-славянскаго языка. На этомъ искусственномъ и некрасивомъ нарѣчій писали до самаго Ломоносова, лишь вводя со времени Петра массу нѣмецкихъ и голландскихъ словъ. Ломоносовъ началъ писать просто по русски, на московскомъ нарѣчій. Это былъ цѣльный переворотъ. Правда, рядомъ съ русскими словами оставлено для „высокаго слога“ много славянскихъ или якобы славянскихъ. Правда, загроможденіе русской рѣчи всякими иностранными, преимущественно нѣмецкими словами оставлено по прежнему чрезмѣрнымъ. Правда, оборотъ рѣчи, все ея строеніе заимствованы изъ латинскаго и нѣмецкаго языковъ и не соответствовали строю и духу русскаго языка. Правда, риторика ново-кіевскаго періода продолжала процвѣтать и у Ломоносова, продолжая портить языкъ. Но за всѣмъ тѣмъ этотъ языкъ былъ всетаки русскій языкъ и дальнѣйшее развитіе его дѣлалось и возможнымъ, и естественнымъ. Это усвоеніе нѣмецкой грамматики и нѣмецкаго тоническаго размѣра было дѣломъ Ломоносова и громадною заслугою передъ Р. л. Онъ не создалъ Р. л., но далъ ей формы, въ которыхъ она могла уже развиваться.

Влагодородная литературная дѣятельность Кантемира имѣла значительное вліяніе на просвѣтлѣніе умовъ современниковъ, внеся много челоуѣчныхъ идей и добрыхъ чувствъ въ грубую и мало гуманную среду, но Кантемиръ остался надолго одинокимъ и школы не оставилъ. Его и Ломоносова современникъ, Сумароковъ, не смотря на свою недаровитость, сдѣлалъ для литера-

драмой значительные слои, до того совершенно чуждые умственному движению. Къ этому же времени относятся и рано умершій Поповскій, сравнительно болѣе даровитый. Нѣмецкіе академики, Шлендеръ и Миллеръ, прокладывая пути для русской исторіи. Другіе вмѣстѣ съ Ломоносовымъ насаждали точныя знанія. Волковъ основывалъ театр. Итальянцы ставили первыя оперы, облагораживая развлечения общества. Это былъ вѣкъ Елисаветы. За нимъ слѣдовалъ вѣкъ Екатерины, который призванъ былъ умножить, упрочить и развить эти пріобрѣтенія.

Охватывая около трети вѣка, время Екатерины не мало сдѣлало для развитія Р. л., которая именно въ это время впервые выдвинула крупныя литературныя дарованія, Державина и Фонвизина. Стихотворенія Державина были первыми, послѣ забытаго тогда „Слова о полку Игоревѣ“, дѣйствительными поэтическими произведениями въ русской письменности и не могли не приковать къ себѣ и вниманіе, и симпатіи, и даже поклоненіе читающаго общества. Правда, вкусы этого общества были еще такъ неразвиты, что среди произведеній Державина имѣли успѣхъ, едва ли даже не главный, наиболѣе слабыя стихотворенія, вычурно высокопарныя и риторическія. Но рядомъ съ этимъ проникали въ общество и его истинно поэтическіе шедевры и уже самымъ фактомъ своего распространенія воспитывали эстетическій вкусъ. Въ этомъ воспитаніи вкуса едва ли не самое сильное значеніе Державина, поэзія котораго бѣдна идеями, далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ Ломоносова. За то богата идеями литературная дѣятельность Фонвизина, другого высокодаровитаго писателя второй половины XVIII в. Его комедіи, которыя съ удовольствіемъ читаются и теперь, были первыми дѣйствительно русскими произведениями этого рода и первую русскую художественную прозу. Если бы первая ласточка дѣлала весну, мы бы могли съ Фонвизина начать исторію Р. л., но не только первая ласточка, но и вторая и третья, еще не дѣлаютъ весны и русской письменности еще нужно многое усвоить изъ иностранной литературы прежде, чѣмъ стать Р. л. Фонвизинъ былъ самобытнымъ русскимъ писателемъ, но онъ былъ одинокъ и притомъ его литературный вкусъ и литературное творчество воспитаны не родною литературою, которая еще не доразвилась до этого, а иностранными. Оттуда же Фонвизинъ получилъ и свои идеи, критическое отношеніе къ русской дѣйствительности, идеалы лучшаго строя жизни. Все это сказалося и въ комедіяхъ Фонвизина, и въ его произведеніяхъ публицистическаго характера. Не съ такимъ талантомъ, но въ томъ же направленіи работалъ и самъ Екатерина, и

влени Новиковъ и Радищевъ. Просвѣдительныя и гуманныя идеи они получили съ Запада, но самостоятельно ихъ разработали и примѣнили къ современной русской дѣйствительности. Рабство, несправедливое, взяточничество, истязанія, все это, наполнявшее грубую жизнь того времени, вмѣстѣ съ другими сторонами исторически сложившагося быта, обезпечивавшими спокойное господство этого варварства, нашло смѣлыхъ и убѣжденныхъ противниковъ въ Новиковѣ и Радищевѣ, но критика эта показала Екатерину опасною и литературная дѣятельность Новикова и Радищева была прервана. Къ этому же теченію примыкаетъ и Капнистъ съ его одою противъ крѣпостнаго права и комедіей „Ябеда“ противъ несправедливости.

Державинъ училъ поэзіи. Фонвизинъ, Екатерина, Новиковъ, Радищевъ, Капнистъ учили просвѣдительнымъ идеямъ французскаго XVIII в., освѣщая ими русскую жизнь. Это главные литературные дѣятели екатеринскаго времени. Но и усвоеніе литературныхъ формъ не завершилось въ вѣкъ Елисаветы и вѣкъ Екатерины продолжалъ и это дѣло. Херасковъ далъ эпическія поэмы, которыми современники очень гордились, но которыя лишены серьезнаго поэтическаго содержанія, очень далеки отъ исторической истины. Это была дань псевдоклассицизму. Гораздо больше имѣютъ значенія Богдановичъ, усвоившій Р. л. пастораль, и Хемницеръ, усвоившій басню. Княжнинъ продолжаетъ дѣло Сумарокова и пишетъ драмы, которыя и по языку и по содержанію составляютъ крупный шагъ сравнительно съ Сумароковымъ. Параллельно этому дѣятельность Дмитревскаго упрочила дѣло Волкова и русской театральной можно считать съ этого времени окончательное основаніемъ. Въ сторонѣ отъ общаго движенія стоитъ Аблесимовъ съ своимъ „Мельникомъ“, произведеніемъ неподражаемымъ, какъ и комедіи Фонвизина. Надо еще отмѣтить: Майкова съ его юмористическою поэмою, Болтина и Щербатова съ ихъ историческими изслѣдованіями, описателя Петрова и обиліе переводовъ. Этимъ исчерпывается все важнѣйшее въ литературномъ движеніи второй половины XVIII в. На русскую почву перенесены и пересажены всѣ виды и роды литературы: лирика, эпосъ, драма, комедія, басня, сатира, пастораль, историческія сочиненія, публицистика, философія, точныя науки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даны блестящія самостоятельныя и талантливо обработанныя произведенія, но идеиную и литературную связь между ними была иностранная литература. Тамъ они учились и вкусу, и мысли, и формѣ, и языку, но перенося на русскую почву они создавали уже русскіе образцы. Ихъ было однако не такъ много, чтобы изъ нихъ можно было вывести

творчество, а не отъ своихъ предшественниковъ Р. л.

в) Карамзинскій періодъ, отъ появленія „Писемъ Путешественника“ Карамзина въ 1791—92 до появленія „Руслана и Людмилы“ Пушкина въ 1820, послѣдній подражательный періодъ, завершившій усвоеніе западнаго литературнаго матеріала, подготовившій возникновеніе самостоятельной Р. л. Центральною фигурою въ эту эпоху является Карамзинъ, преобразователь литературнаго языка, особенно прозаическаго. Именно въ этомъ смыслѣ „Писма русскаго путешественника“ являются поворотнымъ пунктомъ. Сами по себѣ незначительныя по содержанію, бѣднѣе въ этомъ отношеніи писемъ Фонвизина, „Писма“ Карамзина являются образцомъ сближенія книжнаго языка съ живою рѣчью. Славянизмы, архаизмы, латино-нѣмецкіе тяжелые и некрасивые по русски обороты уничтожены Карамзинимъ и читающая публика впервые читала описаніе и повѣствованіе, изложенное обыкновенною живою рѣчью. Это невиданное и неслыханное новшество вызвало съ одной стороны восторгъ, съ другой ярый протестъ. Начался знаменитый споръ о старомъ и новомъ слоgѣ, впервые раздѣлившій въ борьбѣ два литературныхъ поколѣнія. „Общество Любителей Россійской Словесности“ съ Шишковымъ во главѣ возстало противъ „новаго слога“, какъ „низкаго“ для литературы. Молодые даровитые писатели сгруппировались въ литературный кружокъ „Аразамасъ“ и приняли вызовъ старой литературной школы. Полемика вышла скоро изъ предѣловъ слога и старовѣріе клеймилось аразамасцами и въ другихъ отношеніяхъ. Все молодое и талантливое приняло новый слоgъ, и за Карамзинимъ остается заслуга послѣдняго преобразования русскаго литературнаго языка, этого необходимаго шага для созданія самостоятельной Р. л. Карамзинъ утвердилъ въ Р. л. повѣсть и художественную прозу; усвоившій Р. л. сентиментализмъ, пропущенный предыдущимъ періодомъ; исторію сдѣлалъ достояніемъ обширныхъ слоевъ. Это значительное вліяніе Карамзина упрочило за нимъ какъ бы главенство въ этомъ періодѣ, но по своимъ идеямъ и взглядамъ Карамзинъ явился первымъ, не внѣшнимъ, внѣ литературнымъ, но внутреннимъ литературнымъ тормазомъ прогрессивному литературному движенію и болѣе полной европеизаціи русской культуры. Идеи, высказанныя имъ въ запискѣ „О древней и новой Россіи“ и нѣсколько смягченныя въ „Исторіи государства русскаго“ звали не впередъ, а назадъ, въ московскій періодъ, въ эпоху процвѣтанія „третьяго Рима“. Онъ былъ первымъ „охранителемъ“ въ русской печати.

Вдоль съ Карамзинимъ въ этотъ пе-

водчикъ Лафонтена, сентиментальныя стихотворенія, въ сатиры „Чужой толкъ“ осмѣявшій одностороннее предшествующаго періода; Нелединскій-Мелецкій, самый талантливый и популярный изъ сентиментальныхъ поэтовъ этого времени; В. Пушкинъ, одинъ изъ самыхъ горячихъ бойцовъ „Аразамаса“; кн. Вяземскій, тоже изъ выдающихся бойцовъ „Аразамаса“, популярный за свои болѣе умныя, чѣмъ поэтическія стихотворенія; Гнѣдичъ, въ это время усвоившій Р. л. идилию, а позже воздвигшій себя памятникъ переводомъ Иліады; Макаровъ, вмѣстѣ съ Карамзинимъ, основатель русской журналистики; Пнинъ, публицистъ, продолжавшій движеніе, начатое Новиковымъ и Радищевымъ; Воейковъ, журналистъ и сатирическій поэтъ; Шаховскій, авторъ многочисленныхъ комедій, имѣвшихъ успѣхъ; Озеровъ, драматургъ, трагедіи котораго въ псевдоклассическомъ родѣ заслужили въ свое время прямо знаменитость; Карамзинъ, публицистъ и дѣятель просвѣщенія; Арцыбашевъ и Каченовскій, историки; и много другихъ. Особо должны быть отмѣчены Мерзляковъ, Жуковскій, Батюшковъ и Крыловъ. Значеніе Мерзлякова основывается главнымъ образомъ на томъ, что онъ былъ первый русскій критикъ по профессіи и первый историкъ Р. л. Мерзляковъ былъ сторонникъ классической школы и училъ по Буало и Лагарпу, но это уже была система, была школа. Его университетскія лекціи по исторіи русской словесности, а также публичныя лекціи на ту же тему популяризовали Р. л. и въ кругахъ, гдѣ господствовала французская литература, а русская игнорировалась, если не презиралась, и въ слояхъ, рапѣе того совершенно чуждыхъ какой бы то ни было литературѣ. Собственные переводы Мерзлякова изъ классиковъ тяжеловаты, но близки подлиннику и не лишены поэзіи. Пѣсни Мерзлякова въ народномъ духѣ тоже должны быть отмѣчены, какъ попытка влить въ литературу мотивы народной поэзіи. Въ этомъ отношеніи гораздо значительнѣе заслуга Крылова, который въ своихъ басняхъ черпалъ изъ народной сказки и пословицы, а языкъ довелъ до рѣдкаго совершенства. Его комедіи не выше, хотя и не ниже другихъ произведеній своего времени, но басни эти уже совершенно самостоятельное русское творчество. Только ограниченіе такого творчества тѣсною областью басни не позволяетъ съ Крылова начинать исторію самостоятельной Р. л. Къ тому же большинство басенъ, и лучшія изъ нихъ въ томъ числѣ, созданы уже въ слѣдующемъ періодѣ подъ мощнымъ вліяніемъ художественной литературы этого періода. Тоже слѣдуетъ сказать и о Жуковскомъ, лучшая пора дѣятельности котораго относится къ Пушкинскому времени и Пушкинскому вліянію.

дорогу для приближавшагося великаго поэта. Усвоение Р. л. романтизма было дѣломъ Жуковского. Безъ этого усвоения русской общественности этого лучшаго завѣта западныхъ среднихъ вѣковъ, безъ романтизма съ его культурою рыцарской чести и рыцарскаго поклонения женщинѣ, съ его не знающею сомнѣнія вѣрой, съ фантастикой, тоже не знавшей ни сомнѣнія, ни предѣловъ, безъ этого усвоения оставалась бы чуждою Р. л. цѣлая значительная полоса умственной и литературной жизни, вносящая свой немаловажный вкладъ въ умственный строй новой Европы. Это усвоение и было дѣломъ Жуковского. Надо еще отмѣтить, что стихъ Жуковского и въ до-пушкинское время былъ значительнымъ шагомъ впередъ, но истиннымъ предшественникомъ Пушкина въ этомъ отношеніи былъ Батюшковъ, крупнѣйшее дарованіе котораго успѣло такъ мало создаться, благодаря душевной болѣзни, рано омрачившей жизнь поэта и прервавшей такъ много обшавшую литературную дѣятельность. Батюшковъ усваивалъ русскую литературу и эллиническую антологию, и итальянское поэтическое творчество, и сѣверныя сказанія, завершая періодъ усвоения и начинающая вмѣстѣ съ тѣмъ творить самостоятельно. Эпоха преобразования русской письменности закончилась и наступила эпоха самостоятельнаго творчества и богатаго литературнаго движенія. Мысль окрѣпла, вкусъ воспитанъ, форма выработана, языкъ созданъ, все готово для великаго поэта и великій поэтъ явился.

III. Русская литература, занимая своей исторіей восемь десятилѣтій XIX в. и переходить въ XX в.; отличается богатымъ самостоятельнымъ творчествомъ, умственнымъ и художественнымъ, преемственностью идей и формъ, развитіемъ каждаго слѣдующаго періода изъ предыдущаго при широкомъ общеніи съ другими литературами, вѣрною службою родному народу, просвѣщенію и гуманности. Такою ее подготовило усвоение лучшихъ передовыхъ сторонъ западныхъ литературъ. Такою ее основалъ Пушкинъ и такую ее продолжали его великіе преемники. Много внѣшнихъ невзгодъ вынесла за это время Р. л., много утратила отъ стѣсненнаго, порою прерваннаго творчества своихъ лучшихъ представителей и вождей и до сихъ поръ не приобрѣла положенія, въ такой же мѣрѣ обезпечивающаго свободное развитие, какъ западная литература. Это однако не помѣшало ей стать всемірною литературою.

Принято дѣлить исторію Р. л. на періоды, пушкинскій, гоголевскій, или сороковыхъ годовъ, шестидесятыхъ годовъ и семидесятыхъ годовъ, и новѣйшее время. Въ такомъ порядкѣ мы изслѣдуемъ обзорнѣе главныхъ теченій Р. л.

зора" Гоголя (1836) и первыхъ произведеній Лермонтова (1837). Около того же времени прекратился "Московский Телеграфъ" Полевого, а затѣмъ и "Телескопъ" Надеждина. Въ эти полтора десятилѣтія Пушкинъ положительно господствуетъ въ литературѣ и даетъ ей форму, содержаніе и направленіе. Одинаково блестящій стихотворецъ и прозаикъ, одинаково сильный въ лирикѣ, эпосѣ и драмѣ, одинаково художникъ въ классическомъ, романтическомъ, восточномъ или народномъ стилѣ, отзывчивый на вопросы человѣческаго бытія и современной исторіи, чуткій ко всемъ мотивамъ, и общимъ всемірнымъ, и частнымъ русскимъ, Пушкинъ однимъ своимъ появленіемъ поднялъ Р. л. на высоту самостоятельнаго историческаго явленія и, можно сказать, именно Пушкинъ является основателемъ Р. л. Мы видѣли, какъ его появленіе было подготовлено работою предыдущихъ поколѣній, сдѣлавшихъ это появленіе и возможнымъ, и необходимымъ. Но то, что онъ послѣ этого сдѣлалъ, не было выводомъ изъ работы его предшественниковъ. Это былъ плодъ его генія и выраженіе умственнаго состоянія русскаго общества. Пушкинъ не переносилъ изъ другихъ литературъ ни формъ, ни содержанія для усвоения русск. обществомъ и Р. л. Онъ черпалъ содержаніе изъ интеллектуальнаго движенія современной ему русской среды, принимая и самъ видное участіе въ этомъ движеніи, а форму, никогда и послѣ не превзойденную въ Р. л., диктовали ему художественный геній, тонко развитый вкусъ, широкое литературное образованіе. Форма была прекрасна, но и содержаніе было глубоко и благородно. Время, когда складывался духъ пушкинской поэзіи, было время широкихъ и благородныхъ идеаловъ въ русскомъ культурномъ обществѣ. Свобода, гуманность, культъ чести, высокое уваженіе къ человѣческому достоинству, нравственная независимость и самоотверженное служеніе родинѣ и человѣчеству были написаны на знаменахъ этого идеалистическаго поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Эти же идеи и чувства составили содержаніе пушкинской поэзіи, но главн. обр. изъ нихъ вѣра въ человѣка и уваженіе къ человѣческому достоинству. Пушкинъ не принадлежалъ къ какой нибудь определенной партіи и въ теченіе своей непродолжительной литературной карьеры держался различныхъ мнѣній и мѣнялъ мнѣнія, но онъ никогда не нарушалъ принциповъ, какъ они выше очерчены. Этотъ возвышенный идеализмъ проникаетъ всю поэзію Пушкина и, помимо высокой художественности даетъ ей безсмертіе, какъ воспитательницѣ въ человѣкѣ и его достоинствѣ. Пушкинъ знаетъ диссонансъ жизни и въ нѣхъ изоб-

даже гибнущаго, даже губящаго. Въ "Кавказскомъ плѣнникѣ" герой поэмы отвергаетъ любовь героини, которая, однако не мститъ, а просто освобождаетъ его и погибаетъ послѣ того, какъ любовь и встрѣча съ представителемъ культуры пробуждаетъ въ сердцѣ дикарки человѣческія чувства. Такое же преобразование дикаря въ человѣка Пушкинъ рисуетъ въ "Бахчисарайскомъ фонтанѣ", гдѣ встрѣча съ Маріей и любовь возвышаютъ Гирея, не позволяють ему употребить принужденіе относительно Маріи, оставляютъ глубокой слѣдъ въ душѣ его. То же столкновеніе дикихъ чувствъ съ возвышенными и гуманными изображается и въ "Цыганахъ" и нравственно торжествуютъ человѣческія чувства надъ животными. Эта вѣра въ человѣка окрашиваетъ собою всѣ произведенія Пушкина, лирику, поэмы, драмы, прозу. Отсюда же и вѣра въ лучшее будущее, не оставившая Пушкина и послѣ тяжелыхъ испытаний, которыя судила исторія его поколѣнію. Поэтъ человѣческаго достоинства и твердой вѣры въ свѣтлое будущее родного народа и всего человѣчества, такъ можно охарактеризовать содержаніе пушкинской поэзіи и этимъ же свѣтомъ возвышеннаго идеализма Пушкинъ озарилъ и всю современную ему литературу. Она также была исполнена идеализма, вѣры и гуманности.

Другое огромное дѣло, совершенное Пушкинымъ, это реализмъ и натурализмъ, которыхъ онъ явился и представителемъ, и насадителемъ въ Р. л. Проблески реализма были и до Пушкина (у Фонвизина, Аблесимова, Крылова), но эти проблески топили въ морѣ "красныхъ вымысловъ", къ которымъ взывалъ еще Карамзинъ. Пушкинъ же всею литературною дѣятельностью далъ образецъ реализма, изображающаго дѣйствительность такую, какая она есть, безъ всякихъ прикрасъ, безъ затушевыванія однихъ сторонъ, безъ преувеличенія другихъ, безъ всякихъ поучительныхъ и нравоучительныхъ вымысловъ. Жизнь въ изображеніи Пушкина сама по себѣ достаточно поучительна и нравоучительна. Надо для этого только понять ее и это пониманіе умѣть передать и читателю. Поэтому то въ Пушкинѣ такъ гармонически сочетаются идеализмъ содержанія съ художественнымъ реализмомъ.

Подъ влияніемъ Пушкина иначе заплѣли и пѣвцы предшествовавшаго періода, Жуковский, Крыловъ, Вяземскій, Гнѣдичъ; приблизились къ природѣ и къ жизни, прониклись идеалами челоѣчности, усовершенствовались стихъ, расширили свои поэтическія сочувствія. Тѣмъ сильнѣе было влияние Пушкина на тѣхъ, кто выступилъ вмѣстѣ съ нимъ или послѣ него. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ Грибоедовъ, со своей единственной комедіей. Несмотря на сатирической характеръ. "Горе отъ ума"

на. Творчество Грибоедова было трагически прервано, какъ и творчество Рыльева съ его гражданскими мотивами. Изъ другихъ поэтовъ этого времени надо отмѣтить: Дельвига, какъ друга Пушкина и писателя со вкусомъ, но съ небольшимъ дарованіемъ; Баратынскаго съ его меланхолическою музою; Языкова съ музою веселю; Козлова, Подолинскаго, Туманскаго, А. Одоевского и т. д. Нѣсколько позже выступили, но все же въ пушкинскомъ періодѣ, два крупныхъ дарованія, равно вечныхъ смертныя, поэтъ-философъ Веневитиновъ и глубокий лирикъ Полежаевъ, оба еще всецѣло въ сферѣ пушкинскаго настроенія, какъ и всѣ выше перечисленные поэты. Все это спутники, замѣстующіе свѣтъ и движеніе отъ центрального свѣтила эпохи, въ лучахъ котораго они тонутъ и движенію котораго слѣдуютъ. Нѣсколько самостоятельныя развивается художественная проза. Сначала, это Нарѣжный, первый русскій романистъ, и при томъ реалистъ, но уже вслѣдъ за нимъ слѣдующіе Загоскинъ, Булгаринъ, Гречъ, Ушаковъ и др. совершенно чужды реализму и пишутъ свои романы исключительно при помощи "красныхъ вымысловъ". Такимъ же характеромъ отличаются повѣсти Вестужева (Марлинскаго). Немного лучше опыты Погодина, еще лучше Павлова. Болѣе реализма и таланта въ историческихъ романахъ Лажечникова. Совершенно особое мѣсто занимаютъ философскія повѣсти даровитаго В. Одоевского. Наконецъ, и первый періодъ творчества Гоголя протекаетъ въ пушкинскомъ періодѣ и въ сферѣ пушкинскаго міросозерцанія. Въ этомъ (малороссійскомъ) періодѣ творчества, Гоголь еще только реалистъ, но Пушкину, съ неопредѣленнымъ идеализмомъ содержанія, по Пушкину же. Даже такіа знаменитыя его творенія, какъ "Тарасъ Бульба" или "Старосвѣтскіе помѣщики" еще воспроизводятъ дѣйствительность въ идеалистическомъ освѣщеніи. Здѣсь нѣтъ идеализации дѣйствительности, но и нѣтъ ея разоблаченія, нѣтъ обнаженія ея язвъ. Первые чисто гоголевскіе мотивы сказываются уже въ "Повѣсти о ссорѣ", въ "Невскомъ проспектѣ", въ "Запискахъ сумасшедшаго", но это только провозвѣстники самостоятельнаго гоголевскаго творчества. Оно близко уже, но еще не наступило. Пушкинъ еще властвуетъ надъ Р. л. и опредѣляетъ ея содержаніе.

Русская критика, едва нарождающаяся въ предыдущій періодъ въ лицѣ Мерзлякова, приобретаетъ серьезное общественное значеніе впервые именно въ пушкинскій періодъ въ лицѣ, главнымъ обр., Полевого, частью и другихъ. Полевой воздвигъ борьбу съ классицизмомъ за романтизмъ. Это не тотъ романтизмъ, о которомъ мы говорили выше, а просто отмѣняющій классицизмъ.